

Ю. Г. СИЛАЧЕВ

ЛЮБАШИНО ДЕТСТВО

Силачѐв Ю.Г. Любашино детство. – Верхний Тагил: Уральское
Провинциальное Издательство (ИП Чумаков С. В.), 2022

UUID: f7ffad9f-1685-4e7f-813a-675993ccb3f4

Знак информационной продукции 16+

Оформление: ООО «Лица»

Подготовка электронного издания: Чумаков С. В.

Книга выпущена в авторской редакции.

Электронное издание подготовлено на основе макета печатного издания.

© Силачѐв Ю. Г., 2020

© Электронное издание. ИП Чумаков С. В., 2022

Ю. Г. СИЛАЧЕВ

ЛЮБАШИНО ДЕТСТВО

Круговорот девочки в природе

Москва, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЯВЛЕНИЕ	13
МАРТ	20
МАМА	27
ШКОЛА	34
ОСЕНЬ	40
ЗОРЬКА	45
АВГУСТ	54
ОГОРОД	61
ОСЕНЬ	71
ЗИМА	81
ПОЛЯНА	84
БАНЯ	89
ОТЕЦ	91
ВЕСНА	104
ЮНОСТЬ	116
ПОСЛЕСЛОВИЕ	125
ПОСЛЕПОСЛЕСЛОВИЕ	130

Гамлет: «На свете, друг мой Горацио, есть много
такого, что и не снилось нашим мудрецам.»

ПРЕДИСЛОВИЕ

Это повесть о созданном природой существе — прекрасной девочке Любаше, возвращённой и взлелеянной такой же прекрасной но неброской русской природой.

Природа всей красотой и мощью земли воздействуя на неё, формировала характер растущей девочки, и её душа интуитивно тянулась к прекрасному, и это влияние благотворно сказалось на всей её жизни.

Закономерные фенологические изменения в природе, чередование весны, лета, осени и зимы — всё оставило отпечатки в формировании её характера.

Ещё в XV веке Леон Баттиста Альберти, труды которого использовали для воспитания детей сотни поколений писал: «А на кого возложена обязанность воспитывать их в благонравии? — На отца. Кто обременён заботой о том, чтобы приохотить их к наукам и добродетели? — Отец ... Таким образом пусть отцы определяют ребёнка к тому, к чему он пригоден, пусть внемлют они оракулу Аполлона, который ответил Цицерону: «Следуй, прилагая труд и старание, туда, куда влекут тебя твоя природа и твой талант...»

А что делать, если отец своими жестокими поступкам, вызванными отклонениями психики, искалеченной страшной войной вносил только негатив, а матери, забитой им и загруженной работой так, что и голову некогда поднять?

Остаётся только самой формировать себя и свой характер, делая это, не имея опыта только путём проб и ошибок. И как девочке при этом не сломаться?

Это уже после она установила, что если она начала меняться к лучшему, то для кого-то она перестаёт быть «удобной», или кто-то просто позавидует. Она поняла, чтобы быть сильным — нужно менять окружение. Если есть в окружении люди, которые не хотят становиться лучше, и «тянут» тебя вниз за собой, не развиваясь, то лучше сократить лимит общения с ними или вычеркнуть их из жизни.

Если не хочешь испортить себе жизнь, то подальше держись от тех, кто уже испортил свою. Сильная и зрелая личность не боится высказать своё мнение, даже если оно сильно отличается от общепринятого. Умение уйти с фильма, который тебе не нравится, а не досматривать его потому, что деньги за него заплачены. Не есть в ресторане блюдо, и не давиться, потому что много за него заплатил. При неприятной беседе развернуться и уйти либо взять и промолчать, когда так и хочется что-то «ляпнуть» или сделать, не думая, что кто-то чего-то «не так» о тебе подумает. Сама жизнь, её условия и трудности закалили её характер.

Наказания дают ощущения ребёнку, что его не любят, но здесь помогло то, что в семье было много детей и любимчиков не было. Никто не разговаривал с ними, как с маленькими, не сюсюкали и не списывали их шалости на возраст.

Экономические проблемы, бытовая неустроенность, неприятности в семье, невмешательство родителей в дела детей, избавило их от заниженной самооценки и неуверен-

ности в себе. Вся жизнь построена так, что ребёнок понимает, что он должен справляться сам и поэтому он чувствует, что в него верят, поэтому и растёт чувство ответственности и самоуважения. Они хорошо ладят с окружающими, легче переживают тяжелые минуты, лучше противостоят алкоголизму и другим вредным привычкам, легче находят своё место в жизни.

За каждым неправильно сделанным выбором следует наказание, но не со стороны родителей, а со стороны окружающего мира.

Наличие выбора создаёт ситуации, в которых дети вынуждены размышлять. У них есть варианты, которые необходимо обдумать и из которых нужно выбрать единственный, а это очень хорошо развивает способности.

Это воспитывает:

— Силу воли и характера, что даёт возможность добиваться поставленных целей, помогает преодолеть преграды на пути, воспринимать неудачи легко и двигаться вперёд;

— Становится понятно, что ныть и жаловаться по поводу и без него, как делают многие не стоит. Сильный характер позволяет анализировать своё состояние, настроение и в кратчайшие сроки устранять причины;

— Становиться продуктивнее, так как сила характера — это мужество признавать в первую очередь собственные ошибки, анализировать слабые стороны;

— Способность сохранять трезвый ум, когда обстоятельства обёрнуты против нас. У вас получится плыть против течения и двигаться дальше;

— Сопереживание, умение любить людей вокруг не меньше, чем самого себя, помогают чувствовать в первую очередь гармонию с самим собой. Особенно в отношении к более слабым именно сопереживать, а не сочувствовать.

Признак слабости — потакание мимолётным желанием, не сдерживая похоти и страсти. Избавляться от зависти, постоянно думая, что где-то солнце ярче, трава зеленее и все вокруг живут лучше, счастливее и богаче, можно не заметить, как перестаёт радовать то, что находится вокруг нас.

Самое тяжелое — умение оставить эмоции на втором плане и контролировать хаос возникающих ощущений. Сдержанность и здравый смысл — это основа силы воли.

Пессимист будет ныть о том, что начался ветер, а оптимист будет ждать его и как лидер сделает всё возможное, чтобы наладить паруса и будет готовым к любым погодным условиям.

Говорят, что лидером рождаются, но психологи утверждают, что это не так. Можно воспитать в себе характер такой, какой подходит именно для вашего стиля жизни и для ваших целей.

Не бойся быть побитым — научишься драться.

Поскольку её воспитывала природа — то и поведение её было также непредсказуемо и изменчиво как у природы. Была тишина и вдруг налетел неожиданный шквал эмоций, и она будет об этом сильно сожалеть и снова манить и очаровывать своей прелестью. Природа изменчива.

Любой человек всегда думает о своих интересах в первую очередь. Не позволяйте никому навязывать своё мнение и не делайте так сами.

В поисках личной выгоды люди нередко вступают в конфликты, наживают себе врагов, и то рано или поздно оборачивается против них. Закон бумеранга, проще говоря.

Уметь научиться заботиться в первую очередь о своём внутреннем состоянии, только спокойствие даёт возможность собраться с мыслями, чтобы действовать рационально.

Спокойствие — первое условие воспитания сильного характера.

Удачу и веру приносят только положительные эмоции, нужно весь негатив оставлять за бортом и вспоминать только хорошее. Врачи говорят, что больной скорее выздоровеет, если не будет думать о своих проблемах.

Каждый человек это садовник, который выращивает себя сам, прежде всего избавляясь от сорняков, чтобы дать возможность прорасти чему-то чистому и прекрасному.

Шекспир говорил: «Наша личность — это сад, а наша воля — его садовник».

У Заболоцкого есть прекрасные стихи, где душа представляется патологической ленивицей. Задача человека — силой ума обуздывать её и заставлять работать.

Не позволяй душе лениться!

Чтоб в ступе воду не толочь,

Душа обязана трудиться

И день и ночь, и день и ночь...

Коль дать ей вздумаешь поблажку,
Освобождая от работ,
Она последнюю рубашку,
С себя без жалости сорвёт.

А ты хватай её за плечи
Учи и мучай до темна,
Чтоб жить с тобой по-человечьи
Училась заново она.

Да, Любаша постоянно следует учению Будды, который говорил: «Работай изо всех сил, сколько сможешь».

Отсутствие наставника и самовоспитание оставляет ребёнка без чувства меры и контроля над собой. Работать, так работать — до изнеможения, преодолевая усталость, боли и болезни. Толкает на ещё большие подвиги. Генератор идей, которых масса и все их надо исполнить и довести до конца, чего бы этого не стоило, даже не считаясь с желаниями родных и близких, не считаясь с состоянием их здоровья.

Всё это ради блага других, с такою мыслью она осуществляла очередной свой проект. Что хорошо мне, то должно быть хорошо другим. Когда Любаша знала, что близкие будут против осуществления очередной задумки, она скрывала это от них, её не посещало при этом чувство раскаяния, его побеждало удовлетворение от доведённого до конца проекта. Любой ценой! Вот девиз её жизни, который стал результатом самовоспитания.

Слишком буквально она следует восточной мудрости: «Полюбите препятствия — ими растём!»

Говорят, что лучшими намерениями выслана дорога в ад. Сколько страданий себе и близким было принесено этими лучшими намерениями.

Но психологи говорят, что изменить себя никогда не поздно, главное понять, что приносит эти страдания и целенаправленно работать над этим. Сломать человека легко, а вот вновь поставить его на ноги — проблема. Кроме того осталась ещё зависимость от чужого мнения: «А что скажут?» И сейчас чужое мнение служит для неё мерилom содеянного. Значит всё надо делать качественно, благопристойно и красиво, живя по принципу:

«Мы с тобою лишь часть красоты мироздания,
Уходя, сохрани красоту для других».

Возможно, чувство романтизма родилось от несбывшихся мечтаний. Завораживающее чувство красоты и восторга с детства поселилось в её душе, будь то красивый закат, необычное облако, чей вид до совершенства дорисовывает её воображение, но особенный восторг у неё вызывают растения и... цветы!!!

В средней полосе России нет ни пальм, ни кипарисов, ни живописных скал, ни синего моря.

Русь богата природой неброской, не кичащейся своей яркостью. На необозримых пространствах — или степи, или луга, или пашни, либо лесные чащобы. Всё это в солнечные дни радует глаз яркой зеленью и вкрапленных в неё разнообразных красивых цветов. В пасмурные дни — краски приглушены, но... какая — же тайна, непостижимая сила влечёт Любашу в этот мир!

Именно в этой скромной будничности природы и скрыта её тайна. Природа вечна в своей непрекращающейся жизни, в своём постоянном обновлении. Идут века, а деревья всё так же под этим же синим небом то полыхают багрянцем и шумящим листопадом, то покрываются искрящимся на солнце и под луной снегом, то расцветают весной, изумрудной в своей девственной первозданности зеленью, то удивляют хмельным буйством летних красок и запахов.

Всегда, в любое время, природа врачует душу, успокаивает, примиряет с вечностью, которая перестаёт казаться такой непостижимой и недоступной. Природа добра, милосердна и щедра. Она не жалея дарит ей свои сокровища. Разве не бесценный клад — летнее утро, особенно в белые ночи? Чуть только забрезжил рассвет и её подняли, глаза ещё слипаются ото сна и будничные хлопоты, дойка коровы, выгон её и другой скотины к стаду делаются машинально, но вот она выходит со двора, пойдёт по тропинке и... куст задетый плечом, вдруг брызнет на неё гроздью серебристой росы, она вздрогнет и проснётся окончательно, ей становится хорошо и весело от того прозрачно-хрустального воздуха, пронизанном первыми золотистыми лучами солнца и пением птиц. И эта картина будет к ней постоянно возвращаться своей первозданностью через многие годы и только тогда она поймёт, какие это были счастливые мгновения!

Прохладно. Это потом воздух прогреется и его затопит хмельной зной жаркая тишина, в которой всё дышит сочной зрелостью, расцветшей красотой, игрой красок, дурманящими запахами. Трава стала высокой, потеряла свою

весеннюю нежность и хрупкость, но все равно изумрудная, особенно после дождя.

Цветёт шиповник, цветут лесные дикие цветы. И над этим великолепием разлит опьяняющий аромат лета... Потому что именно для него рождена она, именно для него дана ей жизнь, которую никто, кроме Бога, не может у неё отнять.

Это лето, эти лесные полянки, эта озарённая тишь, эта сиреневая прозрачность белых ночей — для неё. Царской поступью идёт лето. И дарит ей радость и ведёт к урожайной осени. И так не хочется с ним расставаться». Лето, по-дожди, не спеши! Побудь ещё снами» — шепчет она. Но она знает, что по-своему прекрасны все времена года.

Поэту Валерию Брюсову принадлежат слова:
«Есть тайная ценность в не нужных
Мечтах, и цветах и святынях».

Человек не может жить постоянно в атмосфере голого рационализма. Иногда его душе хочется вернуться на время в детство и побывать в сказке.

Разве может что-то сравниться с детством, проведённым в деревне на лоне первозданной природы и эта романтика, что вдохнула прекрасная природа, остаётся в душе на всю жизнь.

Да, пусть это детство было полуголодным, полуразутым и полураздетым, но в общении с великой матерью — природой, содержащей столько света и красоты, что уходят все плохие воспоминания, а детство, даже такое трудное все равно остаётся самым счастливым временем...

А жизнь — это постоянный круговорот природы.

ПОЯВЛЕНИЕ

Любаши на белый свет за далью времени и расстояния, при отсутствии живых свидетелей покрыто мраком неизвестности.

Точно известно, что родилась она в год смерти И. В. Сталина, в сентябре 1953 года второй по счёту девочкой, появившейся через год и десять месяцев после старшей Люды и наверняка была принята местной повитухой в бане, при

Вдали деревня, где родилась Любаша

свете керосиновой лампы, а не в селе Девлезеркино, где был фельдшерско-акушерский пункт, что в 12 километрах от их деревни Новая Таяба, а свидетельство о рождении выдано ЗАГСом Челно-Вершинского района Куйбышевской (теперь Самарской) области. Свидетельство это, волею судеб, подверглось испытанию. Однажды Любовь Ивановну дождь промочил насквозь, а вместе с ней и Свидетельство о рождении. Очень серьёзная и исполнительная её старшая дочь Таня, обучавшаяся тогда во втором классе, прикусив кончик языка, по подсказкам матери тщательно обвела шариковой ручкой, расползшиеся от дождя фиолетовые буквы, но Советская власть этот «обновлённый» документ признавать отказалась. Любви Ивановне уже в возрасте 65 лет пришлось пройти и это нелёгкое испытание и потратить много сил и времени, чтобы чиновники Челно-Вершинского района и Московской области (где она продавала дачу) признали факт её рождения и выдали ей новое Свидетельство. Конечно, теперь все мы рады за неё, так же как и за любого полноправного гражданина Российской Федерации.

Любаша родилась очень беспокойной и плакала не переставая. Когда терпению отца Ивана Фадеевича Зайцева пришел конец, он заявил её маме Савельевой Елене Трофимовне, что если она не успокоит младенца, то он возьмёт его за ноги и разобьёт его голову о стену дома.¹

---

¹ Отец и мать сошлись без регистрации брака и все дети были зарегистрированы на фамилию матери. Об этом и др. последующих фактах упоминается в книге «Эпоха перемен-2»

Елена запрягла лошадь и повезла Любашу к фельдшеру в Девлезеркино. По пути заехали к матери отца Степаниде, которая жила в селе Чувашское Урметьево. Бабушка взяла на руки орущую Любашу, а обессиленная Елена, сев на лавку, тут же уснула. Проснулась от тишины и кинулась к Степаниде, подумав, что ребёнок умер. Но дочь спокойно спала, а бабушка спросила: «Кто поставил на вашем кладбище кресты на пустые могилы? Пустые ждут своих жертв». Действительно, со стороны Савельевых в Новой Таябе жены Якова и Ивана в память о погибших на войне мужьях, поставили им на кладбище кресты. Степанида была знахаркой и, зная заговор от этого, спасла Любашу.

Помнить себя Любаша начала отдельными эпизодами примерно с четырёх лет. Так на пасху Люда и Любаша, принаряженные кто во что, вышли на крыльцо. Корова, стоящая во дворе, услышав вкусный запах свежего хлеба, подошла и подняла голову, ожидая корочку и случайно зацепив длинным рогом за одежду Любаши, мотнула головой и Любаша, перелетев через неё, шлёпнулась в середину большой лужи. Это запомнилось.

Каждый ребёнок проходит через опыт — первого соприкосновения со смертью. Для одного это — мёртвый воробей, раздавленная машиной собака, для другого умерший человек. Ребёнку надо время, особое душевное усилие, чтобы осмыслить этот факт, пережить это потрясение. Тогда возникает и ужасная догадка — и я тоже умру. Страх смерти — одно из самых мощных и глубоких переживаний, очень личное, трудно передаваемое словами. Для Любаши таким потрясением, вторым ярким воспоминанием дет-

ства, была смерть младшего брата Пети, которому было три года. Жили они тогда в Чувашском Урметьево в том краю деревни, где жила одна мордва и Любаша, играя с ними, быстро усвоила мордовскую речь. И тогда, услышав крики детей, что Петю убила лошадь, она вскочила на завалинку и в окно по-мордовски взволнованно стала об этом кричать матери, которая кормила грудного Аркадия. Мать, ничего не понимая, сказала ей, чтобы та говорила по-чувашски, когда поняла в чём дело, положила Аркадия и выскочила на улицу. Отец погнался на лошади в Девлезеркино и, как потом рассказывал, видел, что почти до конца под вскрытой черепной коробкой мозг дышал.

Такая судьба. Видимо, Пете Богом отпущено столько веку. Никогда лошадь умышленно не лягнёт ребёнка.

Большая гнедая кобыла с жеребёнком сосредоточенно с хрустом щипала траву на поляне, постоянно махая хвостом и встряхивая головой и гривой, отгоняя овод. Петя подошел сзади и прутком начал водить по ногам лошади. Она машинально, как бы, стогняя овод, лягнула и копыто, сверкнув подковой, попало точно в висок Пети, вскрыв черепную коробку...

Были времена когда лошадью дышали и жили, когда ей скармливали самый лакомый кусок, а то и последнюю краюху хлеба, — мы-то как-нибудь выдюжим, мы-то с голодным брюхом промаемся до утра, нам не привыкать. А что делалось по вечерам, когда наработавшаяся за день лошадка входила в свой заулоч! Вся семья от мала до велика, выбегала встречать её, и сколько ласковых, сколько благодарных слов выслушивала она, с какой любовью распря-

гали её, выхаживали, водили на водопой, купали, скребли, чистили! А сколько раз за ночь поднимались хозяева, чтобы проведать своё сокровище! Да, да, сокровище. Главная опора и надежда всей крестьянской жизни, потому как без лошади никуда: ни в поле выехать, ни в лес, да и погулять, как следует.

Первая игрушка крестьянского сына — деревянный конь. А если нет его, так скачет верхом на палке. Конь смотрел на ребёнка с крыши отцовского дома (конёк), про коня-богатыря, про сивку-бурку пела и рассказывала мать и бабка, конём украшал он, подростки, прялку своей суженой, коню молился — на всех божницах была икона Егория Победоносца. И конской подковой — знаком долгожданного мужицкого счастья — встречало тебя почти каждое крыльцо.

Всё — конь, всё от коня: вся жизнь крестьянская, с рождения до смерти.

И неудивительно, что из-за коня, из-за кобылы вскипали все главные страсти в первые, колхозные годы.

У конюшни толклись, митинговали с утра до ночи, там выясняли свои отношения.

Сбил у Воронка холку, не напоил Гнедуху вовремя, навалил слишком большой воз, слишком быстро гнал Чалого, и вот уж крик, вот уж кулаком в рыло заехали.

А какая красота, преданность и самопожертвование в лошади!

Но самые лучшие воспоминания детства это воспоминания о красоте природы, о многоцветном лете, лугах и о лесе. А кратковременная гроза посреди жаркого

июльского дня! Сначала до смерти перепугавшая малышей своими ужасными громовыми раскатами и молниями и загнавшая их в дом. Потом мощнейший ливень со шквалистым ветром и, вдруг тихо, и ярчайшее солнце, и вся ребятня, подхватив руками, подола платяшек и штанишки с криком несётся по тёплым лужам.

А вот Любаше около восьми лет, и Люда старше почти на два года, но она не такая активная и «заводная» как Любаша, принаряженные на Троицу. Они сидят и болтают,

Семья Ивана. В середине Люда и Любаша

делятся секретиками и мечтами, планами на ближайшее время — например, на два часа, — и на всю остальную, такую длинную жизнь. Секреты смешные и незначительные, мечты наивные. Планы — сплошные фантазии. Конечно, самые бурные фантазии у Любаши. Они почти в одинаковых сарафанах — обычных ситцевых, рукодельных сарафанах довольно мерзкой расцветки — советского легпрома и в дурацких страшных сандалиях. Ох, эти «испанские сапожки»! Три первых дня пытка, а потом ничего, изнашивали и привыкали. И через пару недель они уже слетали с загорелых и ободранных ног.

Маленькие и глупенькие девчонки, почти уверенные в том, что за углом ожидает волшебная и прекрасная жизнь! Топчется в нетерпеливом ожидании — когда же, когда? Когда эти дурочки подрастут? И уж тогда вывалю на них все свои подарки, все сюрпризы!

Все заготовки свои. Осыплю счастьем, как новогодним конфетти. Слава Богу, они ничего не понимают. Иначе — кранты.

МАРТ

— месяц предвесенний. Это пора рождения весны. В тёплый мартовский день можно услышать не только звон капли, но и звонкие песни большой синицы. Скоро они оставят деревни и посёлки и поселятся в леса, чтобы вовремя занять гнездовые участки и подобрать дупла для гнёзд. Это потребует много времени и забот.

Сейчас можно услышать гортанные крики воронов. Эти крупные птицы, то купаются в синеве мартовского неба, то глубоко тонут в нём, то проносятся над самыми верхушками деревьев. Это тоже любовные игры. Всё дольше становится продолжительность светлого времени суток. 22 марта — день весеннего равноденствия. Это пора рождения весны, которая найдёт своё воплощение в журчании весенних ручьёв, громких криках грачей, песнях жаворонков над тёмными пятнами проталин, жаждой всего живого к жизни и её обновлению.

Апрель — это пора первых ручьёв и первых цветов, первых песен, вернувшихся на родину птиц.

«Жмурюсь от света, какая игра!
Весело зайчики пляшут.
Здравствуй, апрель, — голубая пора
С каждой неделей всё краше!

Солнце пригрело у речки лесок,
Старый бугор и осины
Снег потемнел, обозначив кусок
Рыжей распаренной глины.

Светлым журчаньем природа полна,
Вторит ей голубь, воркуя.
Радуйтесь люди, приходит весна!
Гимны поёт и ликует.»

Из сборника Ю. Волкова «Травник»

Неимоверно стремителен весенний бег времени. Кажется, ещё вчера освободившиеся от снежного плена лесные поляны были мёртвыми, а сегодня запестрели цветами. Многие даже не подозревают, что практически все прекрасные цветы, кроме тропических орхидей и лотосов были выведены от диких полевых цветов. Дух захватывает от красоты и обилия ветрениц. В своих ажурных зеленоватых юбочках они похожи на маленьких балерин, тысячи этих милых созданий, повернули свои белоснежные головки в сторону восходящего солнца, под неумолчные звуки ручья и звонкие песни зяблика начинают исполнять величественный танец весны. Чем выше поднимается солнце, тем выше поднимают свои головки ветреницы, повторяя движения светила. Однако иногда бывают и сбои. Вот куртинка цветов попадает в полосу тени от стоящей на поляне сосны. В поисках солнца цветочки тянутся к ближайшим от них солнечным бликам и оказываются направленными в разные стороны. Такой цветочный переполох.

На пригретом солнцем пригорке пестреют синие цветы медуниц и золотистые звёздочки гусиного лука — одной из самых ранних маленьких лилий наших лесов.

Куртинки хохлаток похожи на одетых в сиреневый бархат придворных дам, обсуждающих светские новости. В их облике черты благородства. Эти цветы — кормилицы гусениц чёрного аполлона или мнемозины, как ещё принято называть эту бабочку. Там, где много хохлаток, в июне можно увидеть редких белых, с чёрными глазками на крыльях представителей семейства кавалеров.

После нескольких холодных и пасмурных дней вновь за светило солнце. словно по мановению волшебной палочки надели леса и луга свой зелёный наряд. ветер доносит аромат зацветающих черёмух, на полянах яркими желтыми звёздами зажглись адонисы. На согретую солнцем поверхность муравейника высыпало всё его население. Ожил, зашевелился муравьиный народец! У основания трухлявого пня, среди изумрудной зелени черемши радуется глаз медуница.

Стремительно бежит время и так же стремительно меняются декорации на лоне природы. Всё новые и новые певцы и танцоры вступают в весенний бал цветов. Пронеслась черёмуховая метель с удушающе-прекрасным запахом, которым не каждому дано наслаждаться. Через несколько дней луга и лесные поляны захлестнёт золотое половодье купавок.

Отбивая бег времени, кукушка сообщит о смене сезона — приходе лета.

Тёплый ветер ласково теребит серёжки на ветвях ольхи. Каждый год, встречая весну, ольха надевает эти желто-зе-

лёные украшения. Серёжка это мужское соцветие, рядом с которым находится кисточка крохотных женских цветов — шишичек.

Ради опыления мужские цветы дают огромное количество пыльцы. Щёлкнешь пальцем по одной из серёжек, в воздухе повисает облачко желтой пыльцы. Вскоре мужские цветы опадут, а женские будут развиваться в соплодия. Здесь цветы появляются раньше листьев, их роль выполняет кора, содержащая много хлорофилла, что позволяет ольхе развиваться раньше других деревьев.

Рядом с ольхой красуется куст ивы, украшенный желтыми соцветиями.

Роль листьев у неё также выполняет зелёная кора веточек. Желтые цветы — это мужские цветы, в отличие от ольхи, ивовые женские и мужские цветы находятся на разных растениях, и пыльцу у ивы переносит не ветер, а насекомые.

И не случайно цветение ивы совпадает с вылетом шмелей, пчёл и других опылителей.

Среди сухой прошлогодней травы яркими глазками светятся цветочки медуниц. Латинское название цветка — пульминария. Так древние жрецы называли предназначенные для богини подушечки, украшенные драгоценными камнями, перед которыми ставились блюда с пищей богов (нектаром и амброзией). Но рука девочки, ещё не зная этого, тянет к своим губам сорванный цветок и высасывает медовый нектар, так нужный её организму. Из всей семьи она одна ежедневно ходила в Канаш за два километра в магазин за хлебом, на кото-

рый ей давали один рубль и она брала три буханки по 25 копеек и одну за 16 копеек и на 9 копеек сдачи покупала несколько штук конфет-подушечек, под названием «Популярные», у которых внутри был джем, а снаружи они были обсыпаны какао. С наслаждением сосала их на обратной дороге, а дома ребятня обступала её, услышав запах конфет, но за хлебом ходить желания никто не изъявлял.

Разве синие цветы медуницы не похожи на сапфиры, а розовые на рубины? На одном из соцветий она увидела крылатое «божество», ради которого красуются эти цветы. Это была дородная волосатая и полосатая шмелиха. Самцов в эту пору ещё не бывает. Сердито ворча на Любашу, «божество» пьёт нектар из предназначенных только для неё кубков. Шмелиха предпочитает розовые цветы. В синих цветах нектара уже нет. Различие в цветах помогает насекомым экономить время. Весной в поисках места для гнёзд шмели часто залетают в жилища людей и погибают. Они не нападают на людей, и убивать их не нужно. Смерть шмеля — это смерть целой семьи, которая могла бы опылить миллионы цветов.

Весна украсила лесные поляны множеством белых цветов — анемонов или ветряниц, на отдельных участках их так много, что, кажется, снег выпал. Вечером цветочки закроются и поникнут, чтобы утром вновь открыться для солнышка. А пока оно ещё не спряталось над поляной, разносятся звуки весёлой песенки зяблика. Он уже застолбил свою полянку для гнездования и теперь неустанно оповещает об этом других. Это ещё и сигнал для самочки,

которая должна прилететь на его зов. Ведь они прилетают немного позже самцов, которым предоставляется право выбора места. Этот выбрал хорошее место.

Тогда в послевоенную голодную пору ребята искали эти нежные цветочки, чтобы полакомиться их нектаром, которого особенно много в розовых цветах. На заболоченном участке леса Любаша увидела золотистую россыпь калужниц болотных, как правильно она называется. Кстати, слово «калуга» означает болото.

Но тогда собирая золотистые цветы, называла её в душе самыми лучшими словами. Ах, как давно это было, но эта любовь к лесу, его тайнам осталась навсегда.

А первые долгожданные грибы — «подснежники»?

Затосковавшим за зиму любителям «тихой охоты» они дают возможность вытаскивать из чулана корзинки и бежать к заветным опушкам. У сморчков особый аромат, вобравший запах весеннего леса, проталин, прошлогодней травы. При этом есть гриб сморчок, а есть гриб строчек — и это две большие разницы, которых мы в детстве и не знали. В каком-нибудь лесном овраге ещё лежит снег, а рядом, по краям, как строй шотландских гвардейцев в медвежьих шапках, стоят сморчки. На разрезе сморчка шляпка и ножка всегда полая. Строчки на короткой ножке намного крупнее сморчков и по гастрономическим вкусам проигрывают сморчкам, зато аромат, более грибной, пряный. Сморчки не любят расти на одном и том же месте и это загадка даже для ботаников. Появляются во второй половине апреля, а иногда их можно встретить в начале лета.

Необратим и стремителен бег времени. С каледоскопической быстротой меняются сейчас картины живой природы.

На смену аромату цветущих черёмух пришел аромат цветущих рябин. В палитре преобладают сейчас золотисто-желтые тона. Цветут купавки, раkitник, одуванчики, лютики и другие. Скоро наступит пора многоцветья. Начинают цвести шиповник, лесные герани, пионы, а на лугах появится множество розовых коронарий. Нетрудно заметить, что вершина лета отдаёт предпочтение цветам с пурпурной окраской.

МАМА

была её единственной поддержкой. Нет теперь у Любаши мамы. Она умерла от инсульта в Тольятти у Люды и похоронена в родной Васильевке вместе со всеми родными, о чём в старости она и мечтала.

Лучше Сергея Острового о матери никто не сказал:

«Это только теперь, через годы, я стал
понимать,

Как казнят матерей безучастьем
и чёрствостью дети.

Друг мой, брат мой, товарищ мой, если зовёт
тебя мать,

Рвись к ней сердцем. Спеши, Мчись к ней
в самой крылатой ракете.

Каждый миг на счету. Будь быстрее, чем звук
и чем свет,

Опоздаешь в пути — не простишь себе этого
вечно.

Ты звала меня, мать! Я пришел, а тебя уже нет.

И дорога длинна. И разлука с тобой
бесконечна».

В детстве матери нам очень нужны. Когда мы вырастаем, то отдаляемся от них, уезжая далеко, в другой город, а они ждут годами нашего приезда или хотя бы письма и телеграммы.

А много ли отпущено на такое ожидание?

Раньше постаревшие матери жили вместе с детьми. Так уж было принято. Одинокими были только вдовы, потерявшие во время войны не только мужей, но и сыновей. Те же, которых обошла эта беда, жили в семье, с детьми и внуками. И старость была наполнена радостными заботами: проводить на работу, в школу, встретить, приготовить обед, что-то починить, связать...

Детям от присутствия бабушки в доме было теплее. Они приходили из школы, не в пустую квартиру, с небрежными порой в спешке постелями и невымытой посудой. Они приходили в уют родительского дома, где можно было после каких-то переживаний поплакаться бабушке в фартук.

А теперь... одиночество. Утром провожать некого. Некому подать наглаженный носовой платок, спросить, не забыл ли ключ...

Мы их очень любим. Пусть они знают это. Мы сами не замечаем, как сильно мы их любим. Просто любовь к ним запряталась под слоем невнимания, грубоватости и упрёков. Это только потом, когда их не станет, она проявится такими слезами, такой болью, такой исступлённой мольбой к небесам, к Богу, неизвестно к кому — вернуть хотя бы на один день, на час, на десять минут, чтобы ещё раз поцеловать и вымолить прощение...

Недаром ведь писал Александр Фадеев: «Мама, прости меня, потому что ты одна, только ты одна на целом свете можешь так прощать. Положи, как в детстве, на голову руки и... прости».

Только потеряв мать, мы поймём, что от нас ушел человек, сильнее которого нас никто не любил, не любит и любить не будет.

Мы, молодые, и ставшие уже бабушками и дедушками, вдруг почувствуем, что перестали быть детьми, и сразу постареем на много лет. Потому что, когда есть на свете мама, мы — дети, и можем к ней обратиться к ней с этим словом.

Так давайте чуть-чуть замедлим шаг и вспомним, что рядом с нами ещё (пока) идёт мама, стараясь не оступить-ся, не отстать, не упасть и даже помочь нам, более сильным.

Давайте, подадим ей руку, поддержим, чтобы как можно дальше не терять это дарованное Богом счастье — произносить самое прекрасное на свете слово — МАМА.

«... Будут плыть корабли в белизну
марсианских морей.

Будет жизнь бушевать. Каждым атомом,
жилкою каждой.

А тебя уже нет... Ты уже не откроешь дверей...

Люди! Братья мои! Берегите своих матерей!

Настоящая Мать человеку даётся однажды».

Сколько лет Елена Трофимовна обряжалась с коровами. С первого дня колхозной жизни, когда ещё не было общих коровников. Утром встань ни свет, ни заря, коров подой, воды нанеси, скотину напои, навоз выгреби, потом лети домой как угорелая: свою корову обряжай, печь топи, семью корми. А с домом кое-как управилась — опять работа: за подкормкой ехать надо, а то ещё на сенокос да силос беги. А за подкормкой раза два-три съезди-

ла — уж вечерняя дойка подошла. И опять колесом, опять сломя голову... И огород и другая своя скотина, поросёнок, куры.

А пошли дети — семеро детей! Причём каждые два года. И никаких декретных отпусков. До года бегала, кормила грудью. Перестала кормить — опять забеременела. А Иван — муж, не был поддержкой и на детей смотрел как на чужих, за людей не признавал, — так, что-то мимо пробегающее, да ещё и упрекал — «Нарожала!» И так всю жизнь...

Каждый день. Без отпусков и выходных.

Коллективизация, раскулачивание, арест отца, сгинувшего неизвестно где. Война, разруха послевоенная, голод, неподъёмные налоги и в конце, как итог всего этого — двенадцатирублёвая пенсия...

Это в колхозе. А поскольку пришлось поработать в свиарнике и овощном и плодово-ягодном хозяйствах совхоза, то пенсию подняли ... аж до 29 рублей.

Любаша вспоминала её всегда просветлённую, какой в жизни она редко бывала.

Вот мама плавно идёт по поляне, роняя к ногам косою низкий валок лесной травы. В венчиках манжеток лесной красноватой герани, в разжилках низкого подорожника, и в высокой купени, в блёклых головках ползучего клевера, в листьях-сердечках майника, на черноголовках и путающемся меж трав и дудочек мышинном горошке — на всём, несмотря на полдень, ещё лежала прохлада утра, а в теньке нет-нет да и вспыхивала остатним ярким светом капля росы и, перегорев, коротко, празднично гасла.

Валки травы, сплошь окрапленные брызгами земляники, беловатой пока костяники, пятна листвы, блики солнца делали лесную кулижку ещё нарядней, красочней, оживляли горошины на мамином «выходном» платье и платке.

С тихой улыбкой, тайно блуждающей по лицу, творила она сенокосную страду, баловалась радостным задельем.

Разгоревшееся алое лицо её было ровно бы высветлено ещё и внутренним светом, на нём жило удовольствие от вольного труда, от природы, близкой и необходимой сердцу, в котором расплывалось и царило ленивое, нежное лето, и наслаждение было от него во всём; и в тепле ласкового, чуть ощутимого ветерка, и в ярком свете, ненадоедливым, игровитом что неразумное дитя, и в вольном воздухе, какой бывает только в пору спелой травы, когда ещё не отдаёт земля грибной прелью и горечью плесени, а вместо паутины невидимыми нитями сквозит и прошивает всё земляничный дух, но всё это и даже стойкий аромат сроненной со стебельков земляники, подвяленной высоким солнцем, заслонит, подавит скошенной травой, которая покорно и быстро вянет, исходя последним, а оттого густым и пряным до опьянения запахом.

Всё, всё вокруг и прежде всего мама были так редко и неповторимы, что зазнобило сердце Любаши, горло сделалось шершавым. Захотелось, отступив в березняк, навсегда унести в себе до боли знакомую с детства картину слияния природы и человека, а главное, осязаемую уверенность в том, что так же вот счастливы трудом и благословенны природою бывали её покойная мама и все русские женщины, которые вынесли все беды не сломившись, потому

что она природа-заступница и кормилица — была с ними и в них.

В ту минуту на лесной земляничной кулижке Любаша вдруг уразумела: счастье и понятие его дело не постоянное, текучее, но бесспорно одно — общение с природой, родство с нею, труд во имя неё — есть древняя, неизменная, самая, может быть, надёжная радость в жизни человека.

Однажды, гуляя в лесу, вдруг представилось — на фоне неба будто проявилось: открывает в дом дверь и видит: сидит за столом мать, в праздничной белой одежде, положив свои натруженные руки на чистую белую скатерть, не говорит ничего, но смотрит на неё с любовью, и ей почувствовалось её живое присутствие. Так же подумалось, что переходим мы, а не уходим. Так как укорены не на пустом и не во Времени, а — в Вечности. Просто, созрев, меняем место пребывания. Ведь и утрата — это обретение.

«... взял Господь человека, которого создал, и поселил его в саду Эдемском, чтобы возделывать его и хранить его».

Лежит Любашина мама на кладбище опетое птицами в родной Васильевке. Отработала женщина за десятерых, оставила миру трудовых детей, успокоилась, отдыхает...

И ездит Любаша сюда, на эту могилку почти ежегодно на Троицу в родительскую субботу помянуть мать, вместе с сёстрами — Людмилой и Тамарой.

Мир праху твоему, русская женщина! Вечная и светлая память тебе! Душа Любаши сочится слезами, всё кажется, что мама затаила на неё обиду.

Прости нас, живых, вечным прощением — мы не от зла и не от дурости такие равнодушные и жестокие, мы от жиз-

ни такие... И ещё неизвестно какая кончина постигнет нас
и какая память за нами будет...

ШКОЛА

для Любаши была местом развлечения. Там было намного интересней, чем дома. Там были все подружки, на переменах можно было бегать и играть, а Любаша была очень подвижной и «заводной» девочкой. Учёба её не напрягала, над домашними заданиями и учебниками она особо не корпела. Её успеваемостью никто не интересовался, а она знала, что оставаться в одном классе на второй год нельзя, поэтому учёбе отдавалась настолько, чтобы этого не случилось. Напряглась и навалилась она на учёбу только в выпускном классе, твёрдо решив уехать из дома и поступить на какую-нибудь учёбу для приобретения профессионального образования.

В школу она пошла вместе с Людой, которая пошла в первый класс в возрасте восьми лет. А потом уже у школы Люда вдруг решила, что учиться в одном классе с младшей сестрой не будет и заявила, что раз Любаше нет ещё семи лет, то пусть она идёт домой, и здесь ей нечего делать. Семь лет Любаше исполнялось только 8-го сентября. Родители здесь ничего не решали и «торжественных» проводов не делали. И пришлось Любаше «не солоно хлебавши» шлёпать домой.

Зато учиться на следующий год ей было намного проще, поскольку она видела, что делает и как занимается Люда,

да и учебники, одни и те же переходили от Люды ко всей последующей малышне.

Задумывались ли вы над тем, почему нас так влекут к себе кинофильмы о школе?

Почему мы десятки раз вновь и вновь можем смотреть «Доживём до понедельника», «Дикая собака Динго», «Школьный вальс»? Почему 1-го сентября сердце сжимается от далёкого и прекрасного ощущения праздника?

Видимо всё потому, что в душе каждого из нас живёт школьник, а у кого-то первоклассник, идущий в щемящее радостное утро первого звонка с букетом цветов к заветному школьному порогу.

Помните трогательную песню в исполнении Валентины Толкуновой? Через годы несём мы эту горячую любовь к школе, к первой учительнице, к школьным друзьям, ближе и дороже которых, согласитесь, потом не будет в жизни. Потому что в светлые и прекрасные школьные годы всё было ярче, чище, бескорыстнее, доверчивее. Всё было цветным и крылатым.

Помните как пахнет школа? Свежевыкрашенной краской и новыми учебниками. И счастьем. А потом вы будете провожать в школу своих детей, а не успеете оглянуться и внуков. И опять тот же запах цветов, краски и... счастья. «Всё опять повторится сначала» и это замечательно и непостижимо, как сама жизнь.

Запахло на улице школой...

О, запахи эти осенние!

Желтеет увядшее поле,

И веет печалью есенинской.

В селеньях во всех пахнет школою,
Всё тихую радостью светится.
И осень такая весёлая!
И счастье, конечно же, встретится.

Люда и Любаша ходили в школу, в чём придётся, одевая в холодную пору фуфайки сшитые бродячими портными, которые брали оплату продуктами (картошкой и пр.) Настоящую школьную форму-платье они получили в выпускном 8-м классе. Люде это платье купили задёшево у более старшей подружки Веры, которая окончила 8-й класс и осталась в Васильевке работать дояркой. Сначала Люда носила его в 8-м классе, и Любаше оно перешло, когда она пошла в 7-й класс. Какое это было счастье! Коричневое

Слева Любаша. 7-й класс

шерстяное платье с воротником-стойкой и чёрным фартуком, а белый, праздничный, сшила сама Любаша из обрезков гипюра, и это было прекрасно и все девчонки завидовали!

Одежда переходила от старших к младшим и занасивалась так, что починке уже не поддавалась — сопревшая ткань просто рассыпалась под иглой.

Любаша на деньги, заработанные ею сбором ягод в плодово-ягодном хозяйстве совхоза покупала ситец, раскладывала ткань, рисовала обмылком чертёж, затем кроила и корпела сшивая куски ткани, иногда с косым расположением нитей. Такой крой приходилось делать из-за не-

Выпускной 8-й класс

достатка ткани, что потом приводило к скручиванию и отвисанию деталей одежды. Но с приобретением опыта, постепенно научилась шить вполне приличные платья, вызывая зависть подруг, необычным покроем ворота или других деталей одежды. На карманы ткани не хватало и девчонки для них использовали свои панталоны-штаны с резинкой у колена. Штаны были длиннее, чем платье и в старших классах девочки их подбирали, «подкручивали», чтоб не выглядывали. Было, конечно, неприятное ощущение толстых колец вокруг ног. У взрослых пальто не один раз перелицовывали, и оно служило десятки лет, потом оно превращалось в юбку или жилет, затем в вареж-

1964 г. Дети Савельевых. Первая и шестая — соседские девочки.
Любаша на руках держит Олежку

ку-хваталку для сковороды или чугуна, а бывший воротник шел на стельку в обуви.

По деревням в те голодные годы ходили, подрабатывая портные, останавливаясь у более состоятельных, кормились и жили у них неделями, обшивая всю семью.

Обуви, как и одежды в магазинах тоже не было, да и покупать было не на что, и отец сплёл Люде и Любушке липовые лапоточки и они не помнят, что испытывали какое-то неудобство, ножка, обёрнутая онучей, прекрасно чувствовала себя в этом лапоточке. Потом появилась «всепогодная обувь сандалии-босоножки — хорошо! Дождевая вода, не задерживаясь в них, стекала, и нога быстро высыхала. А так, начиная с весны и до поздней осени все бегали босиком, отогревая потом ноги на печи или в бане.

ОСЕНЬ

снова пришла. Что бы, не случилось на нашей прекрасной и грешной земле, она приходит к нам вновь и вновь. Она вечна, как любовь; как крик новорождённого, как материнские ласковые руки...

Только вот совсем недавно всё вокруг расцветало яркой палитрой багряных, коричневых, желтых тонов. Деревья так и полыхали радужным костром красок. И вот они уже стоят почти оголённые. А лес все равно красив: стала сильнее проступать белизна берёзок, стала гуще и насыщеннее зелень сосен. А под ногами раскинулся нерукотворный ковёр из опавших листьев. И они мягко шуршат, скрадывают звуки шагов... А лес кажется прозрачным. Он как будто притаился в ожидании зимы. В нём хорошо думается, мечтается. Хорошо грустится. Светлой грустью.

«День бежит, и вот уж вечер
Алым цветом весь горит.
Листья ивы словно свечи
Ветер нежно шевелит

Даль туманами объята,
В травах тонет сонный лес,
Пахнет чабрецом и мятой,
Их нарву и под навес.

Пусть обсохнут под ветрами,
Так учил нас дед Фадей.
Все рецепты старших с нами,
Ими вылечим людей».

Ю. Волков

Восходы и закаты сиреневые, и «лучезарные вечера». Порой моросит дождь, мелкий, мелкий, бисерный... Осень имеет неповторимый вкус и запах. Пахнет мягким морозцем, свежестью. И это бодрит. И верится в лучшее. Теперь, когда она то радуется нас «очей очарованьем», то предстаёт «унылой порой», позволяющей оглядеться, остановиться, заглянуть в себя, лето кажется нам солнечной радостью, ушедшей в невозвратное. Что прошло, то прошло. А сейчас... пусть даже дождь, затянувшийся нудный, пусть! Все равно вокруг всё дышит прелестью. Прелестью увядания. В берёзовом лесу — девственная белизна, ясная и прозрачная и думается о вечном и мечтается о будущем. И грусть уходит. И хорошо смотреть на струю дождя и слушать их мерное постукивание. Кучи картофельной ботвы как попало разбросаны по огороду. На сквозном ветру колючий осот бородой трясёт, сопливая паутина обвисла на исхудалой растрёпанной межевой дурнине, розетки дикого аниса, лебеда, чернобыльник осыпаются, цепляются за всё, а уж репейник, что дедушка, осердился, в бабушку вцепился, ну вездё он: в хвостах собак и коров, в гривах коней, в рубахах и штанах. От кого и радость, так это от хрена — зеленеет бродяга, бодрится молодо, из бурьянной глухомани на свет божий вывалился, радёхонек воле.

Сбежались тучки в одну кучку, берёзы в лесу ожелтелись, коровы, кони и собаки к северу спиной ложатся, перелётные птицы в отлёт дружно пошли — верные ворожеи: быть скорому ненастью, быть ранней осени.

Оставшиеся в лесу пташки, грустны, нахохлены. Сытые вороны сидят на коньках бань, по веткам черёмух обвисли, на пошатнувшихся кольях окаменели, могильно-скорбно задумались они о жизни.

Паутина перестала плавать в осиянном поднебесье, плесенью обнажились в межах мышиные и кротовые норы. За баней в ощетинившейся крапиве обнаружилась цыпушка, которую искали всё лето, пустоглазая, мышами и собакой не тронутая. Татарник шишки открыл, сорит из них волокнистый пух.

Щеглы, овсянки, чижи, синицы из лесу на огорды слетелись, шелушат репейники и коноплю. Воробьи объединились в стаи и такие побоища поднимали, что по всей округе гомон разносился, над межами пух и перья летели. Мятые, растрёпанные, летошние чивили жаловались: «Чив! Чив! Что мы нехорошего сделали? Учили воровать? Воруем! Учили чирикать? Чирикаем! Чем мы не угодили папе с мамой?» Старый воробей, со спины коричневым, по груди и по низу седой от жизненных невзгод, глядел из-под лопушьего листа на эту серую мелкоту, исполненный беспредельной грусти: «И это мои дети?!»

Деловито чиркнув, он вспархивал в сухой бурьян. Опасливо, один по-одному, следом за ним в межевую глушь ныряли и молоденькие чивили.

Из кормовых зарослей начинали раздаваться такие восторженные возгласы, такое восхищение папой, что он снизошел — выслушал похвалы в свой адрес. Оказывается, возня побоище были всего лишь маневром, с помощью которого вырабатывалась не только храбрость, увёртливость, но и смекалка — семя с кустов конопли вытряхивалось на землю — и клюйте его, набирайтесь сил, дети! «Ну, папа! Вот это папа! Где вы, где вы можете найти такого папу!» — заливались жирующие чивили.

В печальные, закатные дни осени какое-то неприкаянное, виноватое объявится ненадолго солнце и на затужалой земле очнётся, воспрянет какая-нибудь поросль — вяло, блекло зеленеет день-деньской мокрая отава; один — другой цветок кулибабы засветится; бабочка над огородом запорхает, сонный шмель загудит, слепо тыкаясь во что попало; из старой черёмухи ящерица на тёплые брёвна бани выбегут; кузнецы попробуют литовки точить, на огуречной гряде, вроде уж насмерть убитой, среди желтой слизи вздымется одна — другая плеть. Болезненные цветочки, похожие на окурки, родят тоже болезные «не божецкие» плоды с худым, пупырчатым задком иль с рахитично вздутым пузом, головастика выдадут, иль в загогулину плод изогнут, а то уродливыми близнецами они слепятся.

Огурчики, травка, блёклый цветок, вялая бабочка над огородом, отрывистое чиканье кузнецов — последний вскрик золотой осени. Скоро, совсем скоро заскорбнет земля от ночной стыни и как-нибудь ещё до рассвета отбелится тесовая крыша бани, засверкает искристо ствол старой черёмухи, захрустит под ногами топтун-трава,

ломкими сделаются лопухи хрена, бочажину охватит морщинистым ледком. Падает пронзительная тишь на округу, и ещё далёкое, ещё неслышное утро белым вздохом нашьлёт печальное, едва уловимое предчувствие зимы. А перед самым мясоедом на небе кто-то примется теребить гусей, и устало присмирившую, успокоенную землю покроет белым пухом. Лужи по утрам будут затягиваться льдом и он раскрошится под ногами на мелкие хрустальные кусочки... И повеет морозом. И полетят, медленно опускаясь, белые хлопья. А изба утром озарится праздничным белым светом. И подумается: «Отчего сегодня так чисто и благостно? Ах, да это выпал первый снег».

Нет, не думает Любаша о холоде и зиме, не может она ещё думать о старости и о каких-то жизненных невзгодах — видение осени лишь вскользь коснулось её души, согретой мягким, благодатным теплом и исчезло без следа.

Глубоко вздохнув, Любаша кладёт тёплую ладошку под тёплую щёку и смотрит свои лёгкие, радужные сны.

ЗОРЬКА

так звали корову. Холодны и коротки январские дни, длинны и тоскливы стылые ночи. Но вот поселяется в избе какое-то беспокойство, всё чаще мать вскакивает по ночам, накинув стёганку, какая попадает под руку с вешалки и спешит с фонарём — и долго её нету. Приходит, гасит фонарь, крестится и сидит какое-то время на краю кровати, потом сронив с ног валенки, приляжет со словами: «О Господи!, Господи! Сохрани и помилуй нас». По избе медленно растворяется запах горелого фитиля. И вот наступает ещё одна ночь — чаще всего такие таинства совершаются, как им и положено, ночью. И вот глухой ночью слышатся торопливые, грохочущие, по звуку даже радостные, добрую весть несущие шаги... Мать с высоко поднятым фонарём бухает дверью и от порога звонким, молодым голосом извещает: «Ну, ребята, с тёлочкой вас! Скоро молоко будете пить!»

А утром она говорит, пошли ребята тёлочку смотреть и имя ей придумывать. Пошли к стайке, почти до самой крыши заметённой снегом.

В парной, прелой соломой и навозом пахнувшей стайке, мутнеет оконце, прорубленное в стене и застеклённое зимой. Летом через него в огород выкидывают навоз. Обмёрзло оконце с наружной стороны и внутри оно обмётано

настынувшим льдом по уголкам и стёсам брёвен. Мутное, отпотелое в середке, пропускает оно едва ощутимый свет, куржак по потолку тоже чуть отсвечивает блёклой пеленой. Щедро наваленная солома пахнет и светится свежо в этом мрачноватом, дыханием большой доброй скотины, теплом навоза, чуть согретом помещении с низким, грубо отёсанным потолком. Пазы в потолке словно бы проконопачены белыми бечёвками куржака. При появлении ребят встревоженный куржак заструился сверху мелкой пыльцой, коснулся едва ощутимым холодным дуновением напряженных ребячьих лиц, начал оседать на одежду затиснувшихся в стайку.

— Проходите, проходите скорей, — отчего-то вполголоса, вроде как-то боязливо торопила мать, от этого голоса и без того присмирелые, оробели ещё больше.

— Холоду напустим, — пояснила она

Отец вошел последним и поднял фонарь. Корова Зорька лежала на свежей соломе, подобрав под большое, орыхлевшее мягкое брюхо телёнка, прикрыв его шеей, ногами и всем телом так, что у телёночка видна была лишь рыженькая головка со светлым пятном на лбу. При появлении такого многолюдства корова забеспокоилась, стала подниматься, а телёночек, поджавший под себя ножки и весь упрятавшийся в уютном прикрытии матери, всё лежал с полузакрытыми глазами, плотно сжатыми бедно-белыми губами широкого рта, и хотя мать успокаивала корову, оглаживая её и разговаривая: «Ну что ты, что ты, Зорька! Что ты! Успокойся, успокойся! Это ж ребятишки! Проведать тебя пришли, на дитю твоего полюбоваться, по-

жалеть тебя, полюбить ево...» — корова всё же трудно поднялась, повернула голову и грустными, усталыми глазами нагладела на всех вроде как с досадой и недоверием.

Отец повесил фонарь на железный крюк, вбитый в потолок, и, бережно взяв под брюхо телёночка, начал приготавливать:

— Ну, подымайся, подымайся с Богом, рожоной.

И когда телёночек нехотя, как бы с ленцой поднялся на длинные, узластые ножки со светлыми, как будто игрушечными копытцами.

— Подойдите к телёночку-то, не бойтесь!

Любушка осторожно потрогала пятно на лбу телёнка, который расцвёл на светлом стебельке совсем ярким, на лучистую звёздочку похожим цветком. Телёнок потянулся к руке и лизнул её ладонь тёплым, ласковым, детски доверчивым языком, и, хотя Любаше было боязливо и щёкотно, не отдернула руку, раскрыв ладонь ещё шире, и телёнок лизал её или искал что-то на ладони. Остальные ребятишки поглаживали его бока.

— Ну, всё, пора и в тепло его нести, сказал отец, и взяв телёнка на руки, понёс в избу. Зорька дёрнулась, тревожно замычала и мать её успокаивала, протянув ей кусок хлеба с солью.

В избе телёнка пристроили к русской печи и ребятишки целый день возились вокруг него. Придя из школы, Любаша спросила:

— Мама, можно ему дать кусочек хлеба?

— Дай, дай, только вон свеженького и без корочки, он ишшо совсем маленький.

Телёнок откликнулся на её подношение. Сперва обнюхал ладонь с хлебом, втягивая воздух, потом шумно выдохнул, притронулся языком к кусочку, лизнул сольцы, пошлёпал, пошлёпал губами, распробовал сладь земную, против которой и дикий, осторожный зверь не устоит, и начал неумело, поспешно жевать хлебушек, крошить его на ладони.

— Мама, ест! — от радости дрожащим голосом сообщила Любаша. Телёнок опять шумно выдохнул, так, что крошки и соль разлетелись во все стороны.

— Не балуй! — стукнула Любаша пальцем по носу тёлочки. Та чуть попятилась и вроде как с разгона головой в неё ткнулась, боднула вроде бы.

— Она уж играет! — обрадовалась Любаша и зажала её голову под мышкой.

— Будешь знать, как баловаться!

— Она ж дитя. Ей тоже поиграть охота.

Тёлочка подергалась, подёргалась головой и Любаша отпустила её.

— Г — ме — е! — пожаловалась тёлочка.

Потом Любаша учила её пить молоко, опустив ладонь в чашку с молоком, а тёлочка ловила в молоке её палец, и, начав его сосать, как сосок матери, начинала пить молоко.

Любаша обняла её за шею, припала щекой к нежной, местами куржачком закучерявленной шерстке и прошептала зажмурясь:

— О — ой, до чего же он хорошенька-ай! — И столько нежности, столько теплоты источалось из ещё детской груди девочки, что мать её похвалила:

— Хоть ты непутёвая растёшь, Люба, а баба из тебя, видать, ладная получится, — подумала и добавила: — душевная.

Зорьку с пастбища обычно встречала Любаша. Собрётся братва за поскотиной, валится на траву и ждёт стадо. Неторопливо приближаясь к селу стадо, позвякивая боталами, дзинькая колокольцами, с переполненными вымями, мешающими шагать сонно переваливающим жвачку коровам. Пастух просто так, уж из одной привычки, щёлкает кнутом, материт, так же привычно и люто какую-нибудь непутёвую скотину с обломанным рогом, ведь как человеческий, так и скотский коллектив без разнообразных личностей обходиться не может.

Всё ближе, ближе стадо, всё громче звук ботал и колокольчиков, всё реже хлопки бича и брань пастуха.

Иная смиренная скотина, балованная хозяйкой, уловив ноздрями вечерний дым, подаёт голос, чтобы слышали, что идёт она, идёт домой в целости-сохранности, несёт ведро молока, и за это за всё хозяйке надо встретить её у ворот, погладить по шее и дать кусочек хлеба с солью, ну, если соли и хлеба нету, просто поговорить с ею по-человечески:

— А, матушка ты наша! Кормилица ты родная! Ступай во двор, ступай с Богом». И она, дородная, малоповоротливая, всё поймёт и оценит и промычит ответно о взаимной своей симпатии ко двору, хозяйке, хозяйству, работникам, пояснит, что лучшего двора, лучших хозяев, ласковой доярки она не имела и иметь не хочет.

Зазвенело первое молоко в подойнике. Из — под навеса слышно журчание, умиротворяющее журчание глубокого

молочного ручья. Вот журчание перешло в короткие, едва слышные всплески — молоко в подойнике поднялось высоко, вспенилось и пена глушит звуки струи.

И над селом ни звука, ни стука. Время дневного торжества и минуты ожидания сладкого парного молока.

Дрёма охватывает корову, исполнившую своё привычное и такое необходимое и для жизни людей дело. Отдавая уже последние, самые жирные и самые короткие струйки наработанного, скопленного за день молока, корова почти спит, валяя во рту смачную жвачку.

И потом пьёт ребятня сладкое парное молоко и сыто жмурится.

Когда мать работала в колхозе дояркой, то доить корову приходилось старшим девочкам. Мать ещё затемно уходила на ферму утром и в потёмках же возвращалась домой.

Отец начинал будить на дойку старшую Людмилу, но она, всегда сонная, только вяло мычала, не желая вставать, а когда у отца заканчивалось терпение, он мог чем угодно ударить Люду, Любаша в испуге вскакивала, хватала подойник и убегала доить корову. Отцу это понравилось, и в дальнейшем на дойку он будил только Любашу.

Не всегда для ребятни хватало молока. Приходилось делиться с поросёнком, которого мать отпаивала молоком для продажи. Поросят её за 25 рублей покупали, как говорится, отрывая с руками. Эти 25 да ещё 12 рублей, которые она получала, как пособие на шестерых детей. И это были все деньги, которые водились в семье, на которые нужно было, в первую очередь, одевать детей. Колхоз на трудодни выдавал зерно, подсолнечное масло и сахар и денег тоже

не имел, получая за сданный хлеб, подсолнечник и сахарную свеклу от государства лишь готовую продукцию.

Самандеев Пётр Фадеевич, брат отца вернулся с семьёй с Кавказа, куда они поехали за лучшей долей, да не нашли её там, так как чужаков на Кавказе не привечают.

Они поселились в доме Ивана Фадеевича и устроились на работу вместе с женой Марией в совхозе, а впоследствии и получили квартиру в центральной усадьбе совхоза.

Для многочисленного семейства Савельевых это было большим бременем, тяжким испытанием для Любаши и дополнительной нагрузкой на маму.

Отец просто раболепствовал перед семьёй Петра Фадеевича, сохраняя в душе к нему самые нежные чувства, сроднившие их навсегда за время их пятилетнего скитания «по-миру», лишений и нищенства, когда после раскулачивания их беременную мать Степаниду вместе с четырьмя детьми зимой выгнали из дома.

Отец строго следил, чтобы всё лучшее доставалось семье Петра Фадеевича, в том числе и молоко сначала пили Юля, ровесница Любаши и Дима, который был старше их на четыре года, а также младшие их братья — Володя и Юра.

Мария по дому никогда ничего не делала, не готовила, не помогала и, придя с работы, ложилась отдыхать. Заработанные деньги она убирала в чемодан, и однажды, вернувшись с работы, увидела, что чемодан открыт и не хватает десяти рублей.

Дома была только Любаша, которая занималась прополкой в огороде. Мария сказала Ивану, что его дочь Люба

взяла эти деньги. Отец был так взбешен, что мама, разыскав Любашу, сказала ей, чтобы та пряталась, иначе отец её убьёт. И, хотя, на другой день выяснилось, что деньги взял Димка, что подтвердила в магазине продавщица, что это он пришел с червонцем покупать конфеты и папиросы и кроме него ни один ребенок в селе никогда не ходил с такими деньгами покупать папиросы и сладости, отец никому не верил.

Любаша несколько дней пряталась в огородном бурьяне, хотя ей там было тоже жутко, наблюдая как рядом с глазом дырявит лист страшная мохнатая гусеница, лап у неё столько, а глазу ни одного. Тут же острыми клыками усатый чёрный жук перекусывает муху пополам.

Носорог брюкву точит, аж головой в кругляк влез! Серые слепни Любашу тычут, до крови кусают, мошка тоже не дремлет, в нос, в уши, в глаза набивается, разъедает их, но из укрытия выходить нельзя — ждёт ещё больший ужас. Ночь Любаша проводила на сеновале и ещё до рассвета опять уходила оттуда в огород.

В субботу мать позвала всю перемазанную Любашу в баню, где мылись несколько женщин. Отец, узнав, что Любаша в бане ворвался туда и начал её избивать. Женщины в голос закричали и отец, бросив Любашу на раскалённую каменку, выскочил из бани...

Мария, спустя даже многие годы не повинилась перед Любашей, видимо считая, что сынок её вне подозрений.

Тогда же из школы, как многодетной семье, предложили помощь, и на эти деньги купили в Канаше Любаша с папой пальто, а это была первая и единственная обновка, ко-

торуя она могла бы получить от родителей. Все вещи она донашивала после Люды, а уж после Любаши, донашивала Тамара. Но эта обнова не состоялась, так как отец решил пойти к брату, а Петра дома не оказалось, и тётя Мария усадила отца за стол, а после двух рюмок это пальто отец вручил Юле, а Любаше опять досталось донашивать старое Юлино пальто. После до самого дома Любаша плакала навзрыд. Как она ждала это пальто! И сколько потом было слёз и разочарований. Все обновы она делала себе сама. В совхозе она собирала ягоды и на вырученные деньги покупала ситец и шила из него. И здесь тоже пришлось испытать чувство несправедливости.

Она обладала сноровкой — невероятно быстро собирать ягоды и приёмщица повысила норму сбора с 10 до 15 кг, оставляя за сбор разницу себе.

АВГУСТ

не имя цезаря или немца. Месяц календарный. Название своё этот месяц получил в восьмом веке до новой эры в честь римского императора Августа. А до этого в римском календаре он значился, как секстилис, то есть шестой. Новый год тогда начинался с 1-го марта. Слово «август» пришло к нам из Византии вместе с христианством. На Руси до этого месяц имел другие названия. Чаще всего называли его «зарев». В это время ночами можно видеть зарницы. Называли август ещё и «серпень», так как главным орудием этой поры считался серп. И пошла страда: сначала рожь, потом ячмень, пшеница, овёс.

Второго числа вдруг к вечеру, со шквальным ветром выворотив из-за горизонта клубящиеся от воздержания свинцово-лиловые тучи и нагромоздив их в спешке, как попало, над перепуганным лесом разразился вдруг грозой неистовой. Проколотил и просверкал буйно и бесперебойно чуть ли не до рассвета. А потом угрюмо заненастило, промочило и расквасило всё, что можно было. И деревья лиственные руки будто опустили — стоят жалкие. Соснам вроде всё нипочём, но и то, по виду судя, приуныли. Небо сплошь и ровно, будто однотонно серой пеленой, конца которой, кажется, не будет.

Ни солнца днём через неё не проблеснёт, не обозначится, ни луна ночью через неё не просквозит сказочно, яркой

звездой, иная же, как гвоздь, нигде её не продырявит — такая плотная завеса эта.

И откуда что берётся? Где до времени хранится? Ни с чего, как будто взялось. Говорят какой-то циклон.

Кузнечики не стрекочут, хотя им самая пора. И как терпят? Кукушка давно уже, с Ильина дня, после той упомянутой грозы, молчит. Улететь ещё не улетела, порхает, как всегда, беззаботно, но, потеряв голос, уже не кукует. За лето-то всем тут уши песней своей про-сверлила.

Трава от ветра не шумит: и трава мокрая бесшумна, и ветра нет — поэтому. Третий день идёт ситный, моросящий дождь — чуть не пар, чуть, не туман ли. Стоит, как в котле, — так говорят о такой погоде. И о ней же: дескать, вот в такую и Иуда на осине удавился. Господи помилуй!. А до этого, как из ушата лило, не стихало. Душ такой вот — во всё небо. Редкий кто, не помылся. На грибы в лесу и не глядел бы — стоят сплошь...

Но всё когда-то кончается. Вдруг выглянуло горячее солнце, затопило всё вокруг теплом расставания и заиграли зарницы.

Над хлебами пылит. Пшеница на полях ещё не тронута желтизной, а рожь уже с седоватым налётом и грузным колосом, и по-вешнему зелёные овсы, как бы застывшие на всплеске, дружно повернулись к замутневшим от угара ложкам, из которых всё плыло и плыло тепло к колосьям, где жило и набиралось зрелости зерно.

Пришла пора, когда на спеющую рожь начинают литься зарницы. Стало тихо. Даже самые весёлые птицы смолкли,

а коровы легли поближе к берегу, к прохладе, где поменьше их донимали оводы.

Всё шло в природе к вёдру, и оттого нигде и никто не торопился, вялая размеренность была кругом и добрая трудовая усталость.

Деревня с тёмными домами остановилась на склоне холма с редкими деревьями, чётко пропечатавшимися в заре, тоже разомлевшей от спелости и полнокровия.

Ничто не сулило тревоги, сон надвигался на землю, короткий и глубокий. Но вдруг та сторона неба, что была за дальними перевалами и лесами, как-то разом потемнела, опустила её и потекла чернотою во все стороны. Только ещё видны были облачка, чуть завитые по краям, неживая ветла, ястреб, летавший над этой ветлой и недовольно прокричавший, должно быть, на птенцов своих, заробевших от тишины. И вот ничего не стало. Всё затянулось тьмою. Ещё чуть-чуть просвечивало небо в том месте, где была заря, но и там щёлка делалась всё уже и уже.

Однако темень хотя была и густа, но не клубилась она, не метала молний куда попало, не била ими по деревьям, в столбы, в избы, куда от мала до велика прячутся люди в грозу и закрывают вьюшки. Это темень настоящая, бархатно-мягкая, и от неё, тоже вроде бы наносило живородным духом и чуть-чуть тревогой, всегда таящейся в темноте.

В мир пришло ожидание. Ничто не спало, а только при-таилось, даже и небо зажмурилось.

Ожидание разрешилось внезапно, как это всегда бывает, когда долго и напряженно ждёшь.

Ящеркой пробежало лёгкое пламя и юркнуло за холмы. По хлебам, на мгновение освещённым, прокатилась лёгкая дрожь, и они сделались совсем неподвижны, склонились покорно, будто ждали, что их погладят, как гладят ершистых детей, к вечеру усталых и ласковых. Сверкнуло ещё, теперь ярче и длиннее. Желтыми соломинками сламывались молнии над окоёмом и озаряли разом весь этот окоём и всё, что там было.

Зарницы тревожились в небе, зарницы играли на хлебах. В русских сёлах так и зовут их — хлебозары. А под Архангельском — на Двине и на Среднем Урале величают их калинниками. Говорят: Калинники играют.

Отчего же тогда ещё в сумерках повернулись колосья в ту сторону, откуда вслед за теплом пришли зарницы? И отчего разом так мудро поседели хлебные поля, а кустарники будто отодвинулись, давая простор им, не мешая совершаться какому-то, хлебам лишь ведомому обряду.

Великое таинство.

Зарницы...

Земля слушается их. Хлеба слушают их. И то, что Любаше кажется немотою, для них, может быть, самая сладкая музыка, великий гимн о немыслимо огромном походе хлебов к человеку — от единого колоска, воспрянувшего на груди ещё молодой матери-земли, зажавшей внутри огонь, — к этому возделанному человеческими руками.

Люди плачут, слушая музыку, плачут от соприкосновения с чем-то прекрасным, казалось бы, умолкнувшим, навсегда утраченным, плачут жалея себя и то чистое, дивное, созданное в себе, что было задумано природой,

но в борьбе за существование человеком же и погубленное.

Музыка, может быть, самое дивное создание человека, его вечная загадка и услада. Никто так близко, как музыкант, не соприкоснулся с человеческим подсознанием, — той самой не отгаданной материей и вечной тайной, что живёт в нас, тревожит и волнует.

Музыка возвращает человеку всё лучшее, что в нём есть. Человек наверняка услышал раньше, чем начал говорить. Возникает мысль, что вначале был шум ветра, плеск волн, пение птиц, шелест травы и звон опадающей листвы. И только переняв у природы звук, человек сложил из него слово, соответствующее каждому времени года.

Музыка и природа — это самое верное, святое и неизменное, что осталось с человеком и не даёт ему одичать.

Музыка есть в каждой минуте жизни, и, у всего живого есть свои сокровенные тайны, и они принадлежат только той жизни, которые определены природой. И потому, может быть, в те часы, когда по небу ходят сполохи, перестают охотиться звери друг за другом, лосиха и лосёнок замирают с не дожеванным листом на губах, замолкают птицы, а человек крещёный осеняет себя, землю, небо трепетным троеперстием, и благоговейно, как сейчас Любаша останавливается середь поля, охваченная тревожным томлением.

И не от того ли в летние ночи, когда издали сигналят о чём-то зарницы, утерявшие громы в миллионлетней дороге, а хлеба наполняются твёрдостью и могуще-

ством и свято притихшая земля лежит в ярком осиянии, в сердце пробуждается тоска о ещё неведомом? Какие-то смутные воспоминания тревожат её. И небо в эти минуты словно становится вестником перворождения, доносит отголоски тех бурь, из которых возник человек.

Любаша склоняется к древнему полю, вдыхающему пламя безмолвных зарниц. Ей чудится, что она слышит, как шепчутся с землёю колосья, как зреют они. А небо, тревожась и мучаясь, бредит миром и хлебом.

Зарницы... И тишина.

У коми-пермяков, как и у многих других древних народов, ещё не забывших себя и Бога, существуют тайные, торжественные, порой причудливые обычаи. Все они связаны с землёй-кормилицей и природой, землю оберегающей, скотов и людей производящей.

Один из них заключается в том, чтобы в момент цветения ржи никакой крик, даже громкий разговор не проникал на ржаное поле, не достигали слуха его. В период цветения ржи не только от какого-либо шума, неблагоприятно сказывающегося на урожае, следовало воздерживаться от супружеских отношений, не стирать, ни полоскать бельё, не белить холсты.

Самое цветение ржи, по поверьям пермяков происходит в полдень. В старину в полдень люди прятались в избах, запирали двери, занавешивали окна, ложились в пологи и молчали. В это время никто не должен касаться голыми руками колосьев ржи, курить табак возле цветущего поля и производить какой-либо гам, тем более лаяться на земле.

Тихое, тихое благоволение царит над Божьим миром. Кажется, что природа, мать наша, измученная человеком, проникает в него нездешним светом и прощает его за все тяжкие грехи и преступления, сотворённые против неё и жизни.

ОГОРОД

наравне с коровой был кормильцем семьи. Примыкающий к задам дворовых построек надел жирной земли, удобренный навозом и золой. Широкие межи буйным разноростом да маковый цвет недолговечным полыханьем освещали огород к середине лета, да и мак-то самосев незатейливый рос, серенького цвета с тёмным крестиком посередине. В крестике бриллиантом торчала, маковка пушисто убранная, и в пухе том вечно путались толстые шмели. Была одна роскошь — непроходимым островом темнел среди огорода опятнанный беленькими цветами горох, который без рук, без ног полез на бадог. Но до спелости редко дозревал какой стручок. Ещё сплюснутый и сладкий подала его детвора. Иным летом заводится десяток-другой, желтоухих солноротов-подсолнухов, часто тоже до твёрдого семечка не доживавших, но беды и слёз всё-таки немало ребятам от них было. Цветы открываются солнцу и следуют за ним, а оно довольное любит свою свиту. Широкомордые, рябые подсолнухи притягивали к себе не только пчёл и шмелей, вечно в них шарящихся и роняющих желтую пыльцу, они разуживали удаль юных «огородников». Продравшись в огород, поймав солнорот за шершавый «под солдата» стриженный затылок, налётчики клонили его, доверчиво развесившего свои желтые уши долу, перекручивали гусиную шею, совали под рубаху и задавали тёку

в овраг, пластая штаны о сучья городьбы. Везде и всюду, как известно, сеют для воров репу и горох и вот ещё подсолнухи. И вот что непостижимо: изловив в огороде молодого налётчика, тётеньки и особенно дяденьки, сами промышлявшие когда-то огородным разбоем, с каким-то весёлым, лютым сладострастием полосовали крапивой по беззащитному заду лиходеев.

Что ещё красивого на грядках? Ноготки! Невесть откуда залетевшие, взойдут они, бывало, и до самых холодов прожигают толщу зелени.

На межах, там разнообразней и свободней всё. Там кого задавит, тот и растёт, дуряя от собственного нахальства. Конечно же, конопля, полынь, крапива, репейники да пырей любую живность задушат. Однако ж нет-нет, да и поднимутся над тучей клубящимся бурьяном стрела синюхи, розетки пижмы либо татарник заявит о себе. Властно оттеснив мускулистым телом тощую мелкоту, оцетинясь всеми колючками, обвесится татарник круглыми сиреневыми шишками и живёт долго, цветёт уверенно.

От ранней весны и до самой зимы, изгнанный отовсюду, клятый-преклятый, лопатами рубленый, свиньями губленный, у заплотов, в устье борозд, на межевых окраинах шевелил длинными ушами непобедимый хрен.

Картошку в начале мая сажали под плуг всей семьёй, а то и на помощь соседи приходили.

На пахоте происходило обжорство: скворцы, галки, вороны хватали и хватали студенистых червей, обнаженных и перерезанных плугом. Боязливые серые плишки и те промышляли на пахоте, вихляясь над бороздами;

даже малая мухоловка сидела на жерди, и, дождавшись своего момента, спархивала вниз и, чего-то ухватив с земли, несла на городьбу и торопливо склёвывала. Лесные птички спускались к огороду и терпеливо ждали, когда налопаются и задремлют важно, хозяйски вышагивающие нарядные и сытые скворцы, напоминающие сельских купчиков. Не выдержав искушения, птахи, мелькнув над городьбой, уносили с борозды козявку, жука, личинку какую, а скворец уж непременно в погоню — этакая загребущая скотина! Да где ему настичь стремительную дикуую птаху, та юрк — и в кустах!

Но люди любят скворцов — охраняющих огород и делают им домики — скворечники, которые птицы содержат в порядке, выбрасывая все нечистоты. Они уничтожают вредных насекомых в верхних слоях почвы, недоступных для других птиц, а также наземных щелкунов-проволочников, долгоносиков, лукового мотылька, а также слизней и улиток. За период выведения птенцов съedaемое ежедневно равняется весу самой птицы, уничтожающей до восьми тысяч майских жуков и личинок. А как они поют! Он знает до 30-ти разновидностей песен, подражая и передразнивая кошек и человека.

Пахать чернозём огорода легко, боронить и вовсе удовольствие. Наперебой парнишки лезли на спину коня, таскающего борону по огороду, и когда их возраст подходил годам к десяти, они и на пашне, и на сенокосе уже умели управляться с конём, и в застолье уж лишними не числились, сидели твёрдо меж работников, ели хлеб и огородную овощь, своим трудом добытую.

На утоптанной, высокой навозной грядке от тепла напревали серенькие грибки и тут же мёрли. Выступали реснички травы в борозде, кралась на грядку мокрица и начинали закрадываться сомнения: всхоже ли семя было? Но вот в одном — другом чёрном глазу лунки узким кошачьим глазком просекалось что-то. Примериваясь к климату, промаргиваясь на свет, зрачок расширялся и не сразу, не вдруг обнаруживал два пробных бледных листика. Настороженные, готовые запахнуть от испуга, они берегли в тёплой глубине мягкую почку огуречной плоти, робкий зародыш будущего растения. Пообвыкнув, укрепясь, собравшись с духом, два листочка выпускали на волю бойкий шершавый листок, а сами, исполнив службу, отдав все свои силы и соки, никли к земле и постепенно отмирали, никому уже неинтересные.

Огуречный листок, воспрянув на свету, тоже робел от одиночества, простора земли и изобилия всякой зелени, приюхивался недоверчиво к лету, зябко ёжась и цепенея от ночной изморози.

Нет, не заоченел до смерти огуречный листок, сберегло его наплетое от навозной гряды тепло, удержался и потянул по зелёной бечёвке из мрака навозных недр лист за листом, там и усики поднялись браво закручиваться по бечёвке, пополз листный ворох в борозды, так и прёт друг на дружку. И, как всегда, неожиданно, засветится в одной из лунок, в зелёном хороводе, желтенький цветочек, словно огонёк бакена вдоль зелёной реки.

Живая искорка — первовестник лета! Первый цветок этот всегда являлся пустоцветом, потому что солнца, теп-

ла и сил его хватало на то, чтоб цвести. Но, как бы указав дорогу цветам более стойким, способным плодоносить, пустоцвет быстро угасал, свёртывался и его съедали земляные муравьи.

Под жилистыми листьями, под зелёными усатыми бечёвками, светлело от желтых огоньков, гряда, что именнинный пирог, и хоровод пчёл, шмелей, ос вёл на них шумную и хлопотливую работу. Глядь-поглядь, в зелёном притихшем укрытии уже и огурчишко ловко затаился, пупыристый, ребристый в носу у него сохлый цветок торчит. Скоро огурец налился соком, заблестел, округлился с боков. Лежит огурец-удалец, дразнится; семейство ревниво следит друг за дружкой, чтобы не сняли огурец — то, не схрумкали в одиночку. Съесть огурец хочется любому и каждому, и, как не сдерживайся, проходя по огороду, обязательно раздвинешь руками резные, цепкие листья, подивуешься как он, бродяга, нежится в зелёном укрытии, да и не удержишься от искушения и сорвёшь зеленец.

Но вот мать, находит уцелевший огурец, бережно, словно цыпушку, принесла и отрезала всем по пластику — нюхнуть и разговеться, да ещё и в окрошку половинка огурчика осталась. Окрошка с огурцом! — Немудрёная из простокваши, разведённой родниковой водой и нарезанной в неё всякой зелени, в основном лука, варёной картошки, и, может быть ещё и яйца — но как это было вкусно!

Огуречная грядка располагалась ближе к дому, чуть в стороне от остальных гряд и почему-то поперёк всего порядка.

На грядках пышно зеленело ребячье лакомство — морковка, которую начинали дёргать, и есть, хотя она была с мышиный хвостик. Вырвал, вытер о штаны и в рот. Но это было и на пользу — прореженная морковь росла крупнее. Несколько гряд острились стрелами репчатого лука.

Следом, пустив ребристые стебли, шелестел лютый фрукт — чеснок. В стороне от тенистых мест, чтобы солнце кругом ходило, и от огурцов подальше — огурец и помидор не спутники в роду — племени огородном — к прутьям привязаны тощие дудочки с квёлыми, аптечно пахнущими листьями. После прелой избяной полутени, где росли они в ящиках и горшках, помидорные серенькие саженцы словно бы решали, что им делать? Но вокруг всё так пёрло из земли, так ластилось к солнцу, что и помидорные дудки несмело наряжаясь в кружево листьев, пробно зажигали одну-другую бледную звёздочку цветка, а вкусив радости цветения, смелели, лохматились, зелёные бородавочки из себя вымучивали, после уж под огородный шумок, да под земельный шепоток, обвешивались щекастыми кругляками плодов, и ну дуреть, ну расти — аж пасынковать их приходилось, обламывать лишние побеги и подпирать кусты палками иначе обломаются и рухнут ветви от тяжести. Но ребятам некогда ждать пока они покраснеют и объедали кусты с ещё зелёными плодами.

«Под дубком, дубком свилась репа клубком», вечно у неё лист издырявлен, обсосан — всё на неё тля какая-то нападает, лохмотья иной раз одни останутся, но она всё равно растёт, выгуливает плотное тело, понимая, что радость от неё ребятишкам.

Как-то отчуждённо, напористо растёт свекла, до поры до времени никем не замечаемая, багровеет, кровью полнится. Пока ещё шебаршит растрёпанно, но тужится завязать тугим узлом капуста — большое подспорье в питании, а ребятам ещё и праздник — грызть во время соления капустные кочешки и белую, хрусткую мякоть, ставшую сладкой от первых заморозков.

А сколько же пришлось Любаше переносить воды из речки для полива этих овощей! Особенно для водохлёбов — огурцов и капусты. Каким крутым и долгим казался тот лог, когда она волокла эти огромные, полные вёдра! Мать предупреждала — не носи полные, носи по пол-ведра. Но ведь ещё нужно было выкроить время и для игр!

Когда уже взрослой она приезжала на родину, то с недоумением смотрела — куда же делся этот крутой бугор?

Если по-совести и чести — огород был спаситель. В огороде же том самоглавнейший спаситель — скромное, многотерпеливое существо, участью-долей схожее с русской женщиной, — картошка!

Не одни ленинградцы летом сорок второго года молитвенно кланялись кусту картошки, посаженной в скверах, стадионах, на любом свободном клочке земли, дышали остатным грудным теплом на каждый восходящий из земли лепесток. В честь картошки надо бы поставить памятник в России. Поставлен же памятник гусям, спасшим Рим.

В Австралии есть памятник овце. Последнему волку Европы памятник изваяли! Поставили же памятник огурцу в Луховицах.

Ну, если уж картошке монумент неловко воздвигать — плод всё же только, овощ, тогда тому, кто нашел этот плод в Америке, выделил его среди прочих растений, или тому, кто в Россию завёз и внедрил его на русской земле. Был, ведь, в старые, тёмные времена и картофельный бунт! Тогда крестьян принуждали сажать картофель вместо репы и редьки.

После войны в 1946 году наш великий клоун Карандаш сел отдохнуть на мешок картошки, ожидая трамвай, и милиционер, пожалев его, посочувствовал, — что же Вы на картошке сидите?

— А вся Россия на ней сидит — ответил чистосердечно Карандаш.

Стражу порядка это показалось крамолой и он привёл его в участок. Слава, Богу, не одни дураки этот порядок оберегали, разобрались и отпустили.

В горах и под горами, в болотах и песчаниках, на глине и в камнях, меж деревьев и новине, на отвалах, вырубках, гаях, на всякой бросовой почве само собой вылезает на свет и живёт растение, почти не требующее ухода и забот — пропололи, окучь и всё дело. Что есть лучше этого растения? Хлеб? Да! Однако хлебу столько воздано! Сколько о нём спето! Отчего же мы, российские люди, не раз, не два спасённые картошкой от глада и мора забыли про неё.

Кто умеет сочинять гимны, должен найти самые торжественные слова и самые голосистые певцы споют картошке гимн на самой широкой площади, при всём скоплении народа. И люди перенёвшие войну и не только они плакали бы, слушая этот гимн.

Целый мир живёт, растит потомство, шевелится, поёт, плачет, прячется в плотно сомкнувшейся зелени огорода. Кузнецы вон взялись за дело, секут по всей округе траву под корень. Говорят, будто козявка эта прыгучая издаёт звуки крыльями, но Любаша думала, — в брюхе у неё есть игрушечного размера сенокосилка.

Если крестьянская изба напоминала ликом хозяина, то огород всегда по хозяйке, по характеру её и сноровке.

Вроде бы вот они рядом, огороды, дожди одни и те же на гряды с неба брызжут, воду на поливку из той же речки носят — ан фасон и урожай огородов разный, значит, и ход жизни в двух семьях не похожий.

Везде и во всём любовь нужна, раденье, в огородном же деле особенно. Красота, удобство, разумность в огороде полезностью во всём хозяйстве оборачивается. Есть хлеб, есть овощи, сыты дети.

Бабье лето. Со многими его радостями и томлением. Кто ж их не знает, не переживал — только тот, кто не родился. Небо синее, висят в нём паутины серебряными строчками. Будто кому-то от кого-то весточка с печалью лёгкой.

Безветрие — и гнать по небу нечего — поэтому. Одному ему, ветру, там, в выси безоблачной, свистеть скучно. Притих где-то, ждёт своего часа. Потом уже на каждой травке отыграется, и на туче, ну и на всём, что попадается ему встречь.

Журавль пролетает, прокурлычет — сам потерялся, ищет кого-то; они же так обычно — парами. Высоко. Ему оттуда лучше видно. Но и то, что у него до Любаши есть дело — это вряд ли — отстранённый: души умерших, как говорят, созывает — собрав в косяк, куда-то поведёт их.

Дни тёплые, ночи стылые. Тянет пойти куда-то — в лес, на речку, но Любаша сдерживается, дома дел много. Выгребла из погреба остатки прошлогодней картошки, просшей полуметровыми ростками. После, вместе с ботвой сожгут. Погреб отец протопил — высушил. Стали копать картошку, оставили пока на огороде в трёх кучах.

Часть картошки сносили в подпол, остальную — около четырёхсот ведер спустили в погреб, мелкую отдельно, чтобы скотине варить. У всех спина отнялась. Прошлого очень сухое и жаркое лето явилось причиной массового появления саранчи. Жаркий ветер из Ирана и Аравии приносили не только экзотических бабочек, но и саранчу. Конечно, для семьи это найдёт отражение в уменьшении выдачи хлеба на трудодень.

Вопреки ожиданиям, грибов этим летом пока было очень мало. Для развития грибницы нужна влага с малым содержанием в ней солей. Влага, поступающая к поверхности почвы из нижних горизонтов, способствует её засолению. Чтобы избавиться от этого, нужны хорошие дожди. Поэтому грибной период оказался сдвинутым.

ОСЕНЬ

её начало обязательно, после сентябрьских похолоданий, отзовётся благодатной порой, когда кажется, что лето вернулось, чтобы успеть доделать то, что оно не успело закончить в отведённые для него сроки. От того, каким было лето, холодным или тёплым чаще всего зависит продолжительность тёплой погоды, которую в народе нарекли «бабьим летом».

Так как нынешнее лето было довольно тёплым, ждать от «бабьего лета» большой продолжительности не стоило. Но даже эта короткая благодать способствует тому, что всё живое, кому предстоит длительная зимовка, благодаря теплу, получает дополнительный шанс на благоприятное выживание. В первый же день начала «бабьего лета» внимание Любаши привлекли многочисленные бабочки: крапивницы, углокрыльницы и траурницы. Это были особи последней генерации, которым предстояла зимовка в зрелом состоянии.

На другой день бабочек стало меньше, а после они полностью исчезли, несмотря на то, что погода оставалась такой же тёплой. Благодаря теплу «бабьего лета», эти насекомые смогли подыскать удобные для зимовки места, что повысило их шанс на выживание. То же можно сказать и о других обитателях леса. Активно используют это тепло и люди, особенно на полях, в садах и огородах сухая

и тёплая погода даёт возможность лучше подготовиться к встрече зимы.

«По траве, что зеленела,
Где сверкала и роса,
Прямиком шагала смело
В лес на птичьи голоса.

И как стражи всюду снова
Эти сосны, эта ель,
В дивном царстве летней хвои
Слышится живая трель.

Чуть прошла и душу греет
Вид поляны голубой,
Где на фоне неба реет
Бабочек весёлых рой.

В этот миг я снова слышу
Песнь осеннюю без слов,
Песнь, взметнувшуюся выше
Звонких смоляных стволов».

Ю. Волков.

Несмотря на яркие краски, повсюду разлита какая-то особая грусть. Это грусть расставания уходящего лета. Такое состояние погоды обычно обуславливается устойчивым поступлением тёплых масс воздуха из Южной Атлантики. В 1971 году поступление тёплого воздуха было столь продолжительным, что даже в первой декаде ноября лета-

ли комары... — такие погодные аномалии бывают очень редко. Хронологически наступление «бабьего лета» считают — 14-го сентября.

Главным признаком наступления «бабьего лета» и его украшением является паутина. Тончайшие паутинки носятся в воздухе, свисают с ветвей кустов и деревьев, сверкая в лучах осеннего солнца миниатюрными молниями. Идёт вылет крохотных паучков-лётчиков, улетающих на покорение новых пространств.

Обычно это бывает так: забравшись на верхнюю точку куста или дерева, паучок долго ждёт восходящих потоков воздуха, а когда они появляются, быстро выпускают из своего прядильного аппарата тончайшую шелковую нить. Оторвавшись от земли, он перебегает на середину паутинки. Восходящие потоки поднимают паучков на огромную высоту. Их наблюдали даже над Эверестом. Когда погода портится, на паутинке оседают капельки влаги, и она опускается на землю. Любаше не нравились эти паутинки, цепляющиеся за голову, волосы, ресницы и лицо, хотя зацепившиеся за ветки становились украшением.

Для англичан и сейчас период «бабьего лета» — это период «гусяного лета». В сухие и тёплые дни осени, английские домохозяйки сушат на солнце перины и выбивают из них пыль. При этом в воздухе появляется много пушинок. Это и породило понятие «гусяного лета».

Разумеется всему своё время. И поэтому, каким бы ни было «бабье лето», оно не сможет заменить нам тепла настоящего, астрономического лета. Оно не вернёт нам утраченного урожая ягод и всё же эта пора тоже прекрас-

на. Вновь открылись навстречу солнцу золотые соцветия кулибабы осенней, а на лугах и лесных еланях продолжает цвести сивец луговой, василёк фригийский и золотарник. Ещё порхают над ними бабочки, шмели, но уже нет того буйства жизни, какое она наблюдала в июле. Август — месяц осенних цветов. Уже не вернуть назад улетевшие птицы стаи. Сезонные явления природы необратимы.

Посмотрите, как ярко горят в лучах ещё по-летнему алые гроздья рябин, зазывая на пир пернатых гостей. Жизнь дроздов и свиристелей почти не мыслима без рябины. В немецком языке рябина называется деревом дроздов. Ягодами рябины будут кормиться снегири и щуры, рябчики и тетерева. Обитые птицами ягоды подбирают полёвки и зайцы. А в северных лесах, где ещё сохранились медведи, то это для них лучшее лакомство. В пору цветения рябины понижение температуры на 5—7 градусов положительно сказывается на урожае её ягод. Как раз это наблюдалось нынче, а потому и неплохой урожай.

Однако в природе существует примета. Хороший урожай ягод рябины — к дождливой осени и холодной зиме. Значит уже в пору цветения можно предсказывать, какой будет осень и зима. Конечно, в народные приметы можно верить, можно не верить. Но их, как это заметил В. Даль, «нельзя обжаловать», так же, как пословицы и поговорки. Впрочем «обжаловать» нельзя и вполне профессиональные предсказания метеорологов.

Принесённый циклоном холодный северный воздух намного ускорил процесс перехода от лета к осени. Как-то сразу пожухли травы, в кронах деревьев появились первые

желтые листочки. Холодный воздух очистил небо от паутины и от привычных силуэтов стрижей. Начался массовый отлёт к югу крачек, куликов, славок и пеночек. Во мраке августовских ночей улетели на юг иволги и мухоловки, кукушки и козодои.

Холодный северо-западный ветер неторопливо гонит по небу брюхатые свинцовые тучи, из которых моросит мелкий дождь. На мокрой головке лугового сивца неподвижно сидит небольшой шмель. Вцепившись окоченевшими лапками в ворсистую поверхность цветка, он не подаёт никаких признаков жизни.

Это рабочий шмель, ставший теперь безработным. Он появился на свет в разгар цветения трав. Ему некогда было восторгаться красотой цветов июльского луга. От рождения он был запрограммирован на поиск нектара для своих сестёр и братьев. С раннего утра до позднего вечера трудился шмель, опылив за это время десятки тысяч цветов.

Если Любаша трогала его пальцем во время работы, он с недовольным ворчанием перебирался на другой цветок, не проявляя при этом агрессии.

В конце лета его родное гнездо опустело. Его сёстры, ради которых он так трудился, испытав радость любви, покинули гнездо и, укрывшись в надёжных местах, будут зимовать там. Будущей весной им предстоит продолжить шмелиный род. Утратив работу, шмель, как и сотни таких же трудяг, утратил и смысл жизни. Он не боится смерти и не прячется от холода и дождя. Избранный им цветок ещё даёт кое-какое «пособие» по безработице, но через несколько дней они, обнявшись, вместе уйдут из жизни. В со-

циальном плане умирающий шмель был только придатком семьи, выполняющим работу по сбору нектара. Без семьи он ничто. С исчезновением семьи его функция жизни закончилась, и он должен умереть. Шмель до конца выполнил свой долг перед родом.

Благодаря его труду весной появятся новые шмелиные семьи, и всё повторится сначала.

Почти две недели хозяйничал авангард приближающейся осени. Температура в ночные часы начала сентября не раз опускалась близко к нулю. Зябко было ножкам Любаши, обутой в сандали, когда она утром шла в школу по прихваченной инеем траве.

Пора листопада назывался в древнеримском календаре этот месяц. Русские, до принятия христианства называли этот месяц по-разному, Для одних это был вересень, иней и рюинь, желтый и хмурень — для других. Все эти названия в разной степени отражают особенности сентября. А для Любаши в этот месяц и день рождения и день именин 30 сентября — день её святых-мучениц и хранительниц — Веры, Надежды, Любви и их матери Софии.

Сентябрь — пора листопада, и какой бы не выдалась погода в этом месяце, листопад все равно неминуем. Всё чаще небо заволакивают тучи, всё чаще циклоны приносят ненастье. Сентябрь это и пора, когда «считают цыплят», дают оценку ушедшему году. После уборки урожая говорили: «Холоден сентябрь — да сыт»

В целом, лето было довольно сухим и тёплым. Несмотря на засуху, был неплохой урожай картофеля и других овощей и ягод. Хорошими уродились травы, а условия для

заготовки сена были почти идеальными. Такое сочетание богатого урожая трав и хороших условий для сенокоса бывает не часто. К сожалению, с каждым годом неуклонно растёт количество зарастающих покосов, потому как меньше становится скота у населения.

Уродилась черёмуха и рябина, что улучшает шансы на выживание лесных обитателей. Из-за летней засухи грибной сезон начался довольно поздно — только во второй половине августа. Зато сейчас за грибами ходят не с лукошком, а с вёдрами и мешками. Особенным спросом пользуется опёнок осенний. Считается, что чем суше и теплее простоят сентябрь, тем позднее наступит зима.

Идёт массовый отлёт в тёплые края перелётных птиц. Кто-то из них — дубровник, чечевица и пёстрый дрозд — летят в Юго-Восточную Азию, а для большинства местом зимовки является Африка и Индия. Первыми покинули родные места те, кто будет зимовать на Кавказе, в Иране и в Средиземном море. На их место прибывают гости из северных районов страны. Вспоминается известная песенка:

«Птицы на юг улетают,
Гуси, грачи, журавли,
Вот уж последняя стая
Крыльями машет вдали».

Октябрь в переводе с латинского означает «восьмой». Это название месяц имел в старом римском календаре и сохранил его в новом. Русские называли этот месяц: листопадник, грязник, зазимник. Октябрь — грязник, ни колеса, ни полоза не любит, ни на санях, ни на телеге не проедешь. Октябрь — месяц резких контрастов. В иные годы

в октябре летают комары, бабочки, а в иные — белые мухи. Яркие краски сентябрьского листопада сменяются в октябре бурыми. Наступала пора чернотропа, как её называли охотники.

«Рябиновый» прогноз, данный ещё летом, себя полностью оправдал. Осень выдалась сырой и дождливой. Несмотря на это почва не пересыщена влагой. Продолжается грандиозная по масштабам и глубокая по содержанию подготовка живой природы к испытаниям на холод и голод. Сбившись в огромные стаи, улетают к местам зимовки грачи. Откочёвывают на запад голубокрылые сойки. Очень интересно идёт отлёт к местам зимовки серой вороны. И летят они необычно. Расстояние в стае между отдельными особями составляет десятки и сотни метров. Это даёт возможность контролировать во время перелёта огромные территории. Прилетели вороны — жди резкого похолодания. Спасаясь от полярной ночи и холодов, в конце октября появляются гости из северных районов: хохлатые свистели, чечётки, пуночки.

В отличие от животных, растения не могут откочёвывать в благоприятные для зимовки места. Они выработали свои способы защиты от снегопадов и холода. Сбросив листву, они избавили себя от налипания снега и морозного иссушения. Уже при пяти градусах тепла прекращается вегетация, а в клетках растений увеличивается содержание сахара и смол, что предохраняет их от повреждения морозами. Иглы хвойных покрываются тонким слоем растительного воска, что также предохраняет их от высыхания.

«В саду горит костёр рябины красной, но никого не может он согреть»... Это незабываемые есенинские строки. Но глядя на неё глазами орнитолога, станет ясно, — дерево согревает и обеспечивает энергией дроздов, тысячные стаи скворцов, осеннее оперение которых отличается от весеннего, и в обсыпанных белыми крапинками одеждах, скворцов узнать довольно трудно. Рябиной кормятся не только птицы, но и млекопитающие. Рябина обладает слабительными свойствами и долго в кишечнике не задерживается. Прохождение через пищевой тракт животных способствует лучшей всхожести семян. Так рябина решила проблему своего размножения.

Люди сведущие запасают рябину как прекрасное лечебное и витаминное средство.

В легендах друидов человеку-рябине, родившемуся в периоды с 1 по 10 апреля и с 4 по 13 октября, приписывали такие качества: «За хрупкой внешностью скрывается необычайно стойкая натура. Мила, обаятельна. По лёгкой походке узнаётся издали. Любит доставлять радость, даже иногда в ущерб себе. Не эгоистична, но несколько эксцентрична. Сильно развитое чувство ответственности заставляет её постоянно считать себя виноватой во всём происходящем. Контакты с ней трудны, а взаимодействия сложны. Ей не достаёт простоты. В любви она даёт много, но и взамен требует много».

Предзимье — это пора неустойчивого погодного равновесия между приходящей зимой и уходящей осенью. Обычно к предзимью относят октябрь и первую половину ноября, когда ещё нет чёткой границы между сезонами

года. Оно многолико, иногда принимая облик настоящей зимы, а иногда по-летнему тепло.

Скоро зима покажет свой норов и желательно, чтобы снежный покров был как можно более толстый, ведь низкое солнце не даёт тепла и декабрьский день очень короток. Это пора мрака и холода.

ЗИМА

наступила, колдунья, подарила перед новым годом свою красоту. Выпал белый, девственной чистоты снег, выросли пушистые сугробы, стёкла на окнах раскрасились морозными узорами. Каждая веточка на деревьях покрылась инеем. Воздух засеребрился, потому что с неба летели не только снежинки, но и мельчайшая ледяная пыль, и потоки воздуха переливались жемчужным перламутром.

Новогодняя ночь была такой прекрасной. Дед мороз был настоящий, только невидимый, но он пребольно щипал нос и щёки, а Снегурочки с ним не было. В школе была ёлка, украшенная самодельными игрушками из бумаги. Подарков не было... Но мама всегда делала курник, правда, с невероятной твёрдой коркой. Но молодые зубы крошили всё.

А потом пришло Рождество Христово и наступили святки, зимние светлые белые ночи. А снег как хрустит под ногами! Значит сегодня хороший мороз.

Вот уже прошло время, когда солнце повернулось на лето и дни стали длиннее. Теперь будет больше солнца и будет ещё злиться зима и колдовать морозная фея, радовать снежинками, инеем, колючим снежным воздухом, дарить чудеса и тайны...

Как-то уже в полночь, когда дневное светило ласкало своими лучами другую сторону Земли, а луна ещё не взошла, Любаша, запрокинув голову, замерла в немом изумле-

нии. Глядя на усыпанное яркими звёздами ночное небо, душа её замерла.

Какая величественная и чудесная картина Вселенной открылась перед ней!

Откуда, куда и зачем мы плывём в этой огненной бездне? Ответ однозначен — из ниоткуда, — в никуда!

Вселенной чужды наши понятия, и она безразлична к нам. А может, даёт понять, развернув перед нами эту гигантскую палитру, что это она, создав всё сущее, позволяет нам взирать на её красоты?

Сколько же звёзд на небесной сфере?

Астрономы подсчитали, что только в нашей Галактике их свыше ста миллиардов. А сколько таких Галактик, как наша? Привыкший к ограниченным понятиям, наш разум отказывается понимать бесконечное.

Сорвавшись с небесного свода край неба прочертил метеорит. Ярко вспыхнув, небесный пришелец навсегда закончил свой путь...

Существует поверье, что тот, кто первым увидит падающую звезду, должен загадать своё желание. Желание Любаши было одно — тепло дома, где её ждёт кружка горячего чая.

Поэзия рождается от изумления и на лист бумаги ложатся слова:

В необъятных просторах Вселенной
Словно пчёлки роятся у гнёзд,
В вечном беге пустом и бесцельном,
Серебристые россыпи звёзд.

Из алмазных подвесок созвездий,
Бесконечно и очень давно,
На потребу космической бездны
Вечность ткёт золотое руно.

А внизу, на краю небосвода,
Поднимаясь из мрака и тьмы,
Освещая путь Нового Года,
Загорелся обломок луны.

ПОЛЯНА

в детстве есть у каждого своя. Огромная, красивая. Она даёт ощущение общности. На ней, ведь, невозможно затеряться. Человек — маленький, а на поляне он сам по себе, он ощущает себя.

Вся ребятня, любившая больше всего на свете огонь и воду, часто жгли костры, собираясь на своей поляне, и, наломав ольхового сушняка, зажигали свой костёр.

До тёмной ночи пекли картошку, прыгали через огонь и рассказывали жуткие бывальщины.

Звёздная ночь, широкая и тёмная громоздилась вокруг их светлого пожара. Ночная птица, лушь либо сова, иногда вырывалась и темноты и, беззвучно шарахнувшись, жутко, около самого уха прошумев мощным крылом, исчезала. Изредка с невидимого дальнего луга долетало до них долгое ржание лошади. Матери и старшие сёстры уже окликали их из деревни, а они всё сидели у своего костра, уткнувшись в колени подбородком и таким загадочно-радостным, необычайным казался им окружающий мир, что не хотелось расходиться. Они покидали пылающий, вошедший в силу костёр с горечью и неохотой, и такими скучными, обыденными казались им соломенные постели.

Поляна находилась на небольшой, ровной террасе ложбины, спускающейся к речке, и Любаша смело шла домой от костра в темноту ночи наугад, пока глаза по-

сле яркого костра привыкали к темноте. Бабка Дарья однажды, когда они шли мимо дома, где должен состояться вынос покойника, заметив, как внучка спряталась за неё, смотря на крышку гроба, прислонённую к воротам. Она взяла её за руку и сказала: «Живых надо, Люба, бояться, а не мёртвых».

Любаша после и не боялась ничего, хотя ребята, запугивая самих себя, любили рассказывать, передавать рассказы взрослых о всякой чертовщине. Но иногда она чувствовала, что есть что-то, что тревожит или нагоняет страх, например одной идти в темноте в тёмную баню. Оно, тот или то, водилось только по тёмным углам, в подполье, в подвале, в старых стенах кладовок, амбаров или на чердаках, что заставляет обмирать сердце и коробит спину ознобом страха.

В этой жизни, на этой земле есть силы превыше нашей власти и воли, они сложнее того, чем мы обладаем, и чего ощущаем, они за пределами нашего разума, который мы смеем называть могучим. В подсознании нашем хранится такая память, такое ощущение пространств и времён, что истовый атеист, комиссар в ремнях, отдаляясь от земного, брэнного, разлепляя спёкшиеся губы, взывает к Боженьке — это те чувства, те ощущения владеют им, над которыми он не властен, это дух Божий коснулся его души, открыл перед ним бездну, и он испугался бесконечности, отлетая в неё.

Что за наваждение и страх хранится в глубине души, изредка тревожа наше несовершенное, от всего и всегда зависящее сознание?

Ребятам казалось, что там, в ночном поле, на поляне, где всю ночь одиноко, светло и жарко полыхает их ясный отраднo загадочный костёр, где бесконечно и заворoжено они смотрят на язычки синеватого пламени, облизывающего головёшки, и там осталось что-то самое главное, самое интересное и таинственное.

Любаша, однажды утром, выгоняя корову в поскотину, подошла к месту их счастливого вечернего бдения, и остановилась разочарованной. Ничего кругом не было загадочного и интересного. Поле и кочки казались ей скучными, вокруг валялись одни жжёные картофельные огрызки. Ещё печальнее выглядел их потухший костёр. В центре, где вчера вздымалось высокое красное пламя, где ослепительно золотисто горели угли, где всё трещало, жило, светило, лежала жалкая, белая плёнка золы. По краям же валялись несгоревшие концы ольховых палок замкнутым веером вокруг большой пустой окружности, на которой не было даже углей. Она встала босыми ногами в середину этой окружности, и долго недоуменно перетаптывалась.

Утро долго не кончалось, полдневный ветер ещё только зачинался в свешенных длинных ветвях берёзы. Высыхающая роса в союзе с солнцем рождала в лесу радужно-золотую мглу. Радостно и отрешенно пели вокруг птицы. Прямо за домом раскатисто многоколенно журчало горло дрозда-дерябы, тут и там застенчиво цвинькали синички, свистели над речкой стремительные зуйки и где-то вдали, но ясно и чисто куковала кукушка. Её голос был печален и светел, а ритм кукования был похож на биение сердца. Недаром в народе называли этот голос сиротским,

вдовым, вдовство для крестьянской женщины то же сиротство. Любаша слышала здесь даже соловья, он раза два три принимался щёлкать и переходил на пение. Но здешний соловей был как бы слишком застенчивый, он словно боялся быть веселее других и быстро замолкал, зато дрозды и синицы не смолкали, ни на секунду. Даже после захода солнца, когда идёшь домой по ночному присмирившему полю, даже в эту пору снуют над головой и плачут боязливые чибисы. В полевых ложбинах заметно копится туман, всё поле звенит кузнечиками, словно сама трава остекленела и звенит без ветра, и хорошо идти домой мимо этих ложбинок и звенящих луговин, хорошо ступать по мягкой дерновой дороге.

О чём так печально кричат чибисы? Они ничегошеньки не понимают, эти полевые птицы с хохолками на головках, они всё кричат и думают, что уводят тебя всё дальше от своих гнёзд, но разве страшны для них пропахшие солнцем и высыхающей травой руки девочки?

В поле, за речным омутом спокойно и отрешенно кричит коростель-дергач, а тут в деревне, вздыхают в хлевах подоенные коровы. Ночь так светла, что в полях видны синие, желтые и розовые полосы цветов, и далеко-далеко очень ясно различаются крыши соседских селений.

На улице быстро стихают крики мальчишек и лай собачёнок. Одна за другой тают компании говорильщиков. Обрывается игра на гармонии, похожая на голубиную воркотню, кто-то прилаживается играть, да и замолк, будто приговаривая: «Ишь ты, совсем разучился». Запоздалая соседская девчонка гонит домой одуревшего от ночной

светлоты телёнка. «Бессовестный! — ругает она его, — шпана, вот ты кто!» Телёнок останавливается, недоумеваает и, расставив ноги, добродушно смотрит на неё. И девчонка не выдерживает сердитого тона, прыскает в ладошку. Оба дружно бегут домой.

В доме ещё светло, хотя сумерки. Со двора приходит с подойником в руках мать. Она в сенях, за открытыми дверьми разливает молоко, и слышно, как оно домовито журчит, и кот тяжело спрыгивает на пол, бежит, несмотря на старость, канючит, просит тёплого молока.

Любаша, выпив кружку молока, берёт несколько картошек и направляется на посиделки на свою поляну.

— Долго-то не сиди там, напутствует мать.

БАНЯ

парит и лечит. Бани по-чёрному у всех стояли внизу лога вдоль речки и воду, когда она не была мутной, брали из неё. А чаще всё же из родника, который был там же в логу, а над ним стояло бетонное кольцо, переливаясь через край которого, родник убегал в речку.

В субботу с потёмками сперва шли в баню мужики с ребятами, а после них и матери с девчонками. Где-то рядом раздавался рёв — дирануло из бани чадо, которому отскабливали ногтями цыпки, или сильно драли спину мочальной вехоткой. Хреснула затрещина, бухнула банная дверь и горький голос беглеца, одиноко и безответно затерялся в глухотеми.

Суббота! Вопят и стонут по деревенским баням терзаемые ребятишки. Добудут они, сердечные, сегодня столько колотушек, сколько за всю неделю не сойдётся. Долго ещё потом будут кулаками тереть глаза, зашипаные хозяйственным мылом.

Мать парила всех, пока Любаша была мала, а после она сама безжалостно в пару отхлёстывала малышню, которая бухала до бани надсадно, а после банной процедуры уже никто не кашлял.

Соседская бабка, дочь Людиной подружки Зины, тоже любила, когда её парила Любаша. Голову женщины обычно мыли настоянной в бочке золой — щёлоком, чтобы волосы

были мягкие, да и вши щёлока боялись. Но однажды в бурное весеннее половодье баню Савельевых смыло и унесло. Отец вверху за огородами поставил такую же баню. В огороде было что-то вроде родника, проступала вода и текла посреди огорода, и отец рассчитывал, почистив родник, брать для бани воду из него. Но когда он прокопал углубление, откуда можно брать воду, он видимо задел водоупорный слой глины и родник исчез.

И пришлось Любаше воду наверх в баню таскать из лога. Какой непреодолимой преградой казался этот путь с полными вёдрами!

ОТЕЦ

в войну был наводчиком орудия 86-го отдельного Гвардейского истребительно-противотанкового дивизиона, 82-й Гвардейской Стрелковой Запорожской ордена Богдана Хмельницкого дивизии Зайцев Иван Фадеевич прошел всю Великую Отечественную войну с первого и до последнего её дня.

Грудь его украшали ордена «Славы III степени», «Красной Звезды», и «Отечественной войны II степени», а также медали: «За отвагу», «За оборону Сталинграда», «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина», «За победу над Германией».

Любаша помнит, что была ещё медаль «За взятие Кенигсберга» — отец не дорожил наградами и у ребят они были в качестве игрушек.

4-го февраля 1945 года он получил в уличных боях за Виняры пулевое ранение в бедро, но не покинул поле боя, и, пренебрегая жизнью под интенсивным арт-миномётным и ружейно-пулемётным огнём противника, в упор расстрелял 6 пулемётов, 3 снайперских пары, наблюдательный пункт и до 70 гитлеровцев, сообщается в наградном листе.

Суммируя список из описания подвигов к каждой награде, получается, что он уничтожил в боях: 6 ДЗОТов, 14 пулемётных точек и 125 гитлеровцев, плюс к ним ещё 3 снайперских пары.

Тяжело представить себе, как убить одного человека, пусть даже врага. Большая часть из них (тем более фронтовиков) не были фашистами, а Гитлер погнал их насильно на эту бойню. Он видел их разорванные на куски тела, видел кровь и смерть сотен своих товарищей.

Повезло, что за всю войну он получил только одно пулевое ранение и один раз был контужен. Конечно, всё это губительно сказалось на его психике, особенно контузия.

Только за время обороны Сталинграда можно было не один раз поседеть, когда они несли такие чудовищные потери под непрекращающимся огнём артиллерии и бомбёжкой.

Сколько было покалечено судеб в Афганской и Чеченской войнах, многие не смогли вернуться в мирную жизнь, и спивались или синдром жестокости делал из них преступников, хотя им оказывалась хоть какая-то психологическая помощь. Эти отклонения психики стали называть Афганский или Чеченский синдром, хотя эти солдаты не испытали и сотой доли того, что испытал Иван Фадеевич за 5 лет войны. Морально, конечно, афганцам и чеченцам было тяжелее, так как войны эти были не наши, войны несправедливые.

О синдроме Великой Отечественной никто и не заикался, хотя миллионы её участников нуждались в психологической помощи, которую оказывали только тем, кто сошел с ума.

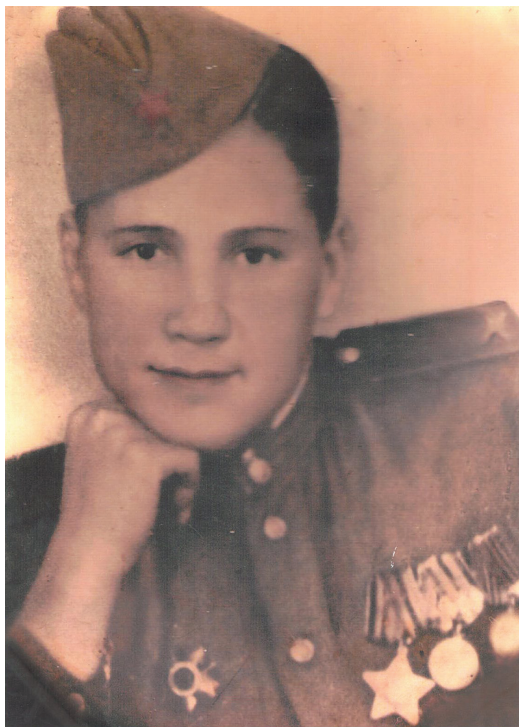
Родина, которую он так эффективно защищал не жалея крови и самой жизни, бросила его, не оказав никакой помощи. Впрочем, это была судьба миллионов, целой страны.

Он не мог вернуться в реальную жизнь, и до самого конца своей жизни он смотрел на неё как из аквариума. Он навсегда остался на войне.

По окончании войны Иван Фадеевич был демобилизован и поехал из Берлина на место призыва в Красную Армию — в Читинскую область для получения паспорта.

Вернувшись из Читы на родину, женился на девушке из Тимяшево. У них родилось двое детей, но дальнейшая жизнь не сложилась.

Потом его «свели» с Савельевой Еленой Трофимовной и они сошлись без регистрации брака и стали жить у ма-

Зайцев Иван Фадеевич

тери Елены — Дарьи Егоровны, которая отпаивала козьим молоком первых их девочек: Люду и Любашу.

Елена до этого пять лет была замужем, и у них не было детей, но вот парадокс: — Елена с Иваном Фадеевичем родила семерых детей, и у бывшего мужа во втором браке детей было не меньше.

Любаша, не раз слышала, как отец, в пьяном виде говорил матери: — «Чем ты меня приворожила, хочу, и не могу от тебя уйти?»

Синдром войны сказался на Иване Фадеевиче прежде всего в том, что он породил жестокость. Она требовала выхода и Иван «глушил» её водкой, либо избивал жену и детей. Особенно много доставалось самой бойкой из всех — Любаше. Она жаловалась тётке Варе (сестре отца Варваре Фадеевне). Она любила Любашу, и, успокаивая её, говорила: — «Ну что поделаешь, он же воевал». И была права.

Варя больше всех любила и уважала старшего брата ещё со времён «скитаний по-миру», когда он с нежностью заботился о ней.

В Любашу навсегда поселился тот ужас, с которым был связан образ отца и она так и не может до сих пор отпустить ему эти обиды.

А отец, глубоко несчастный, психически больной человек, не мог управлять своими эмоциями. Он жил только гордостью и, хотя, ему участнику войны и орденоносцу полагались льготы, он никогда их не принимал, даже когда его просили домашние, он отвечал: — «Вот повоюйте сами, а потом просите». Ходить, писать заявления на помощь, он не мог. Особенную тяжбу и повинность вся семья нес-

ла при заготовке дров. Лес на дрова рубить не разрешали, за этим строго следили лесники, которых в те годы был полный штат. Семье Савельевых, как семье участника войны полагались бесплатно дрова. Но отец заставлял всю семью собирать в лесу сучья и носить их на себе или, же брал лошадь и отвозил домой ту кучу, которую набирала семья. Счастьем было упавшее подгнившее дерево, или прошедший ураган-бурелом. Сучьев тогда было, хоть отбавляй! Лес содержался в идеальной чистоте.

Русский человек не может не любить леса. Вся история становления и развития нашей нации тесно связана с ним. Лес давал приют нашим предкам. Своим теплом он согревал их жилища, кормил, одевал и лечил. А сколько раз он укрывал их в лихие години, наводя страх на врагов. Поэты воспевают лес в стихах и поэмах. О нём пишут, его изучают, но всё это не мешает нам губить и грабить его. Лес, способный сдерживать натиск стихий, оказался беспомощным перед натиском техники и новых технологий, рукотворных пожаров. На вырубках висят нелепые плакаты, призывающие к сверхплановой заготовке древесины, так хорошо отражающий психологию тех, для кого это только сырьё и нажива. Но лес это наш друг и союзник. Его линия обороны — это и наша линия обороны против голода и болезней, против засухи и наводнений, против ветровой и водяной эрозии почвы.

Он дарит нам чистый воздух и даёт огромное эстетическое наслаждение. Кого не радуют запахи хвои, обилие ягод и грибов, пение птиц и журчание ручьёв, яркие краски цветов?

Человек будет счастлив до тех пор, пока держатся на земле его зелёные бастионы.

Поскольку в лесу у Васильевки подбирали каждую упавшую ветку, он был стерильно чистый. Всё свободное пространство между деревьями и елани поросли лесными травами и цветами, было обилие земляники и костяники. Были и заросли малины. Любаша всегда быстрее всех набирала трёхлитровый бидончик земляники, после сама наслаждаясь вкусом и ароматом этой замечательной ягоды и любит яркими красками этой поры. Кроме аромата земляники примешивается тёплый запах цветущей липы и синюхи. Где-то гулко воркует лесной голубь-вахирь. Мелькают душистые соцветия таволги и лиловые султаны иван-чая, белые цветы нивяника и золотые звёздочки зверобоя. «Как не испечь хлеб без муки, так не вылечить человека без зверобоя», утверждает народная медицина. Средством от 99-и болезней называют в народе это растение. Зверобой применяется как вяжущее, кровоостанавливающее, и дезинфицирующее средство.

Сестра Людмила отрывает Любашу от любования и канючит, чтобы она помогла ей набрать свою норму ягод.

— Что ж, вздохнула Любаша, придётся, копуша, помочь тебе.

Иногда для заготовки дров отводили участок леса с высохшими после верхового пожара деревьями.

Здесь, на чёрных вырубках, ошкуренных лесах лишь кипрей полыхает в середине лета — спутник бедствующих российских земель, прославленный в народе под названи-

ем иван-чай. Кипрей создан природой укрывать земную скорбь, утешать глаз. В гущине своей, храня тёплую прель, он яркими медовыми цветами манит пчёл, шмелей и мелкую живность, которая на лапах, в клюве иль на брюшке прилипшее занесёт сюда семечко, обронит его в живительное тепло и влагу, накопленные кипреем, и оно воспрянет там цветком, кустиком, осинкой, ёлочкой, потеснит, а после и задавит, уморит кипрей, и погасит растение, отдавшее себя другой жизни. Мудрость природы! Как долго она продлится?

После смерти Пети отец решил перебраться в Васильевку. В 1963 году дом в Васильевке сгорел. Любаша, издалека увидев пожар, побежала и услышала, что кричат люди: — «Зайцев Иван горит!»

Из района приехала пожарная машина, но спасти ничего не удалось. После пожара из нищеты уже не вылезали. Много лет спустя, когда отца не было в живых, Аркадий признался, что он курил и окурочек воткнул в мох, в пазе сарая, откуда и начался пожар.

Колхоз под жильё дал пустующий дом, в котором раньше был сельсовет и два года семья жила в нём. Матери, которая уже работала в совхозе, предлагали двухкомнатную квартиру, но отец, закусив удила гордости, не разрешил жить там, заявляя, что в «казённом» доме жить не будет. Он привёз из Чувашского Урметьево какое-то полусгнившее строение и из него на месте пожара поставил избушку, где пол был настлан прямо на земле, и крыльца у дома не было. За порог шагали прямо во двор. По дому бегали крысы.

Все дети спали вповалку на полу, подстелив фуфайки. О простынях и понятия не было. Малышня вся страдала энурезом и редкую ночь Любаше не доставалось. Обычно, вскочив утром, и обнаружив мокрый бок, бежала застирывать своё платышко, в любую погоду, в ледяной воде, которое потом на себе и сушила. Смены не было. Ребяшня вся ходила грязная. Предпоследний Вовка ходил с вечно висящими зелёными соплями. Короткие штанишки висели на нём на одной лямке. Когда-то светлая рубашка, была засалена, один её рукав блестел глянцем от засохших соплей. Рукав, с соплями неплохо справлялся и без платка. Штанишки на задку были распороты и Вовка захотев «по-большому» или «по-малому», приседал, штаны на задку расходились и он спокойно делал своё «дело», не загадив и не замочив штанов.

Игрушек не было. Куклу заменяло старое изношенное полотенце, скатанное в рулончик и повязанное платочком. Лицо было нарисовано чернильным карандашом. Не было и кукольной одежды, посуды и мебели. Земля-матушка, да песок, да кусочки бумаги и палочки от деревьев или найденные красивые стекляшки от чьей-то разбитой посуды — игрушки — лучше не придумаешь!

Играли в прятки, лапту, скакалку, сделанную из какой-либо верёвочки, в салки. При этом Любаша принимала участие в этих играх с тяжелой ношей за плечами. У неё там была Тамара, вцепившаяся своими ручонками за шею, мешая дышать. А Любаша бегала, держа её сзади за ножки.

У них была собака, которую звали Шарик, но она через какое-то время ошенилась и подружка Галя Угольников

засунула руку в будку, чтобы погладить щенков, как это делали Савельевы, но собака, обеспокоенная вторжением чужого, цапнула её зубами за руку. Отец, с руганью бросил Шарика в мешок и куда-то унёс. Слава Богу, через несколько дней Шарик снова вернулся домой. Для детей это была такая радость! Где достать продукты, как накормить семью, избавиться от постоянного чувства голода? Эта мысль постоянно владела мамой.

Теперь мы живём во времена смущающего изобилия: сегодняшние люди, страдающие от ожирения и переедания, озабоченные снижением веса и поиском разного рода диет, составляют яркий контраст с худыми, подвижными, работающими до последних дней жизни, до последнего дня беременности, и с первого дня после родов, послевоенным поколением.

В наше время Россия, как и большинство «сытых» европейских стран, переживает невероятный ресторанный бум. Поваренные книги стали одним из самых потребляемых «продуктов», возникла новая отрасль в журналистской профессии — ресторанные критики, эксперты по изысканной кухне.

Высокообразованные повара, артисты придумывающие «Смак» и другие знаменитости создают новые блюда, с необыкновенным набором вкусовых оттенков. Но есть учёные, которые считают, что «высокая кухня» — один из признаков скорого упадка цивилизации. Как знать, насколько эта точка зрения справедлива, но есть о чём задуматься.

Послевоенные домохозяйки проводили над своими печками, керосинками и керогазами не меньше времени,

чем сегодняшние гурманы. Но что они готовили? Бедный супчик, каша, картошка. Это было безотходное производство: картофельные очистки — еда, свекольная ботва — еда, жмых — еда! В летнее время для подкормки служила всякая зелень, в первую очередь крапива и лебеда. Послевоенное поколение мечтало о хлебе!

Этика людей старшего поколения формировалась в эти скудные годы, многих детей военных и послевоенных лет до сих пор коробит неуважение к хлебу. Те, кто пережил эти времена помнят как святое, эти слова: буханка, батон, довесок, пайка, порция, ломоть...

И, конечно же, хлебные карточки. Те, кто пережил те времена, помнят до самой смерти. А кто не слышал, пусть узнает...

Деликатесом в семье Савельевых считался суп из домашней лапши. Курицу, на большую семью, мама делила на четыре части, на четыре раза. То, что оставалось после отца, мать по волоконцу делила между детьми. Фрукты ребятам надёжно заменили парёнки из репы, свеклы и моркови. А летом лесные ягоды. В совхозе было плодово-ягодное хозяйство, куда ребята постоянно пытались проникнуть.

Когда мать работала там, Любаша носила ей кормить грудного орущего Олежку, передавая его через забор матери. Насытившись, он засыпал у неё на руках. Передавая его Любаше, мать незаметно пыталась сунуть горсть каких-нибудь ягод.

Отец сначала работал трактористом и комбайнёром, механизатором и в строительном цехе совхоза. Какое-то

время даже продавцом в сельмаге. Однако он любил угощать друзей-фронтовиков, которые часто заходили к нему в магазин, но за водку, естественно не платили. А потом ревизия, недостача. Всё, что мама накопила на одежду ребятам пошло на её покрытие. И потом ещё долго пришлось расплачиваться с этим долгом. Отец после этого практически не работал и не помогал в домашнем хозяйстве, лежал и думал, как достать на выпивку. Научился класть печи, работая с печником, и потом промышлял этим ремеслом по всей округе. Расплачивались с ним, обычно спиртным. И умер он, отравившись денатуратом, которым расплатились за сделанную им работу, в возрасте 54 года.

Домашние боялись его как огня. Однажды, когда в 1966 году электрификация наконец-то докатилась до Васильевки и отец решил угостить электромонтёров, проводившим им свет. Но Аркадий спрятал бутылку. Озверев, отец схватил ружьё и закричал: — «Отдайте, а то сейчас убью!» Любаша раздетая, в одних носках, зимой за два километра убежала на ферму к матери. С этой пагубной страстью он терял человеческий облик.

Любаша после окончания ПТУ работала маляром-штукатуром на стройке в Тольятти. Оставшуюся в конце дня краску она собирала в ведро, которое к отпуску наполнилось. Она повезла его в Васильевку, чтобы дома можно было что-то покрасить. С транспортом тогда было плохо. Ей пришлось долго идти пешком, и она свою ношу, оттянувшую все руки, оставила на другом краю села у дальней родственницы.

Когда пришла домой, отец, лежащий на кровати, сразу спросил:

— Бутылку привезла?

— Да, и бутылку и краску оставила у знакомых. Сил уже не было нести.

После ПТУ с землячкой Верой в г. Тольятти

Отец вскочил, убежал за бутылкой, а краску даже и не подумал нести. Пришлось Любаше за километр возвращаться обратно и тащить эту краску. А потом отец и эту краску отдал за бутылку.

Все эти обиды на отца копились в ней тяжким грузом...

ВЕСНА

новая пришла. С холмов вразнохлѣст катятся мутные потоки. Вдоль лога и по увалам уже от ветряниц бело, синееет медуница.

Чинят городьбу мужики, гребут хлам в кучу ребятишки и женщины. По всей земле, из края в край горят весенние костры, как и во все времена, идѣт уборка земли, словно перед праздником. Ухают, блажат истосковавшиеся по лугу коровы, кружит коршун над проталинами, звенит колокольчиком жаворонок, утки плюхнулись в лог.

А сердце Любаши летит вѣснами и никак не приземлится, вечно бредятся какие-то перемены в жизни, хотя ведь знает уже — всё на земле идѣт кругом, всё в этом круге установлено разумной чередой: пахать будут люди, боронить, сеять, в огородах овощ садить. Потом всходы пойдут. И снова, и снова удивляя мир чудом сотворения, ещё недавно укрытая серой послезимней пеленой земля задышит глубоко, успокоено, рожая плоды и хлеб.

Цыпушки зачиликают во дворе и тайными ходами, с младенчества известными их маме, проникнут в огород. Люто ругаясь, бабы привычно станут выгонять их, поднимая на крыло.

Никто, пожалуй, так не радуются теплу и весне, как дети и старики. Любаша идѣт тропинкой мимо изуродованной, ободранной, медленно умирающей красавице берёзы,

мимоходом истюканную топорами, она и в эту весну сочится соком из насечек и из последних сил развесила серёжки лимонного цвета, ствол её светится неестественным белым лунным светом — так у измучанных чахоткой, догорающих людей вспыхивает последний яркий румянец на щеках.

Тропинка строчит на холм, вдоль поля, утыканного головками пестиков, беловатыми всходами осота и сизыми — сурепки, через ложок, освещённый желтым пламенем калужниц. Зброшенное поле с едва уже заметными тёмными стерженьками когда-то скошенных хлебов дымит пылью или прахом земли, истаявшей в корнях трав. Вот и мокрый ложок, как живой первовестник лесов и снега, тающего ещё в нём. Взмыл из луга, метнулся в лес полосатый бекасёнок, запричитала на опушке пигалица.

Любаша была только что наказана матерью, за какую-то мелкую проказу, схватив её за волосы, иначе успеет убежать, и закрыла её в амбар. Любаше было так горько, так обидно и она рыдала, рвала зубами подол ситцевого с маками сарафана и громко причитала:

— Не буду я так жить, не буду жить в этой нищете!

Это сидение в запертом амбаре породило в ней не только великую обиду за несправедливость наказания, но и стало переломным моментом всей её жизни. Раньше она не задумывалась и плыла по течению. Она плакала и без конца кричала:

— Не буду я так жить!

— Не буду я так жить!...

У неё тогда появилась твёрдая, отчётливая программа сделать из себя человека, который всё может, для этого

нужно просто употребить всё старание, упорство и беспрестанный, самый усердный труд, который позволит ей стать на ноги.

Мать, подивившись необычными криками Любаши, которая обычно молча, сносила все житейские передряги, выпустила её и Любаша бросилась в лес.

По влажным курящимся лёгким паром полям, с проклюнувшимися всходами, по обочинам дорог и тропинок, опушенных нежнейшей зеленью, по ожившим перелескам — повсюду шагала ликующая весна. И не было ей никакого дела до Любашиных обид и других человеческих горестей.

Выбрасывали лист деревья; оттаявшие комары, ещё без нудного звона, столбами вились над истлевшими кучами прошлогоднего навоза; на ветках, линия, чистились птахи, белый пух летел на влажную землю. Всё, всё справляло яркий праздник весны.

Возле старой дуплистой ивы, росшей на самой развилке дорог Любаша, привлечённая необычным гулом вверху, остановилась. Над желтыми, мохнатыми серёжками, которыми были сплошь облеплены чёрные крючковатые ветки дряхлеющего дерева, огромным роем трудились неповоротливые, видимо в первый раз вылетевшие из дупла шмели. Тут же под ивой, пригретые солнцем, весело копошились вечные работяги муравьи, занятые устройством своего хозяйства.

Дохнул ветерок — тёплая медвяная пыльца запорошила лицо Любаши. Две-три серёжки упали в самую гущу муравейника. Любаша с любопытством наблюдала, какой

переполох поднялся в муравьином царстве. Вокруг серёжек закипело яростное сражение. А на помощь смельчакам, первыми вступившими в бой, со всех сторон, карабаясь друг на друга спешили всё новые и новые полчища муравьиного люда, Бог весть когда и как оповещённого — и скоро обглоданные остовы серёжек были надёжно уложены в муравьиное здание.

Смутные раздумья и непреходящая обида теснили Любашино сердце.

В чистой лужице с песчаным дном Любаша сполоснула свои ноги и неторопливо поднялась на пригорок и вдруг замерла на месте. Перед ней, вся подёрнутая зелёной дымкой, играла, искрилась на солнце молодая берёзовая рощица. Ни с чем несравнимое чувство целомудренной чистоты, восторженного удивления и даже робости охватило её. Это чувство мгновенно очистило её огорчённое сердце, словно и не было этих тягостных переживаний. Где-то в перелеске глухо и неуверенно попробовала свой голос кукушка и смолкла.

— Немного же ты отсчитываешь нынче годочков, — подумала Любаша.

Но кукушка словно одумалась и долго и щедро вещала свои пророчества. Но с той поры мечта о другой, обеспеченной жизни не оставляла Любашу...

За окном синева поёт,
Увлекает в лесные дали,
Листьев россыпи раздаёт
И охапками звёзды дарит.

Ты на зов синевы ответь,
Распахни ей навстречу двери:
Лучше в звёздном огне сгореть,
Чем скучать, ни во что не веря.

Лучше песни свободы петь
На лесном языке забытом,
Лучше к дальним мирам лететь,
Чем сидеть взаперти закрытой.

Несмотря на полдень, всё ещё там и сям поют соловьи, не выдохлись, не устали петь за ночь.

Густо и сварливо трещат дрозды, гоняясь, друг за дружкой, кукушка вкрадливо, пробно кукует в глуби леса, и всякая тварь, всякое существо подаёт голос, заявляя о себе, и если не голосом, так вон вроде рыжей бабочки — нарядом своим удивляет.

Трава, остро поистыкавшая мокрый лог, устланный пегим листом, и удивлять никого не хочет, она просто лезет на свет, потому, что весна на исходе, и ей надо поскорее занять своё место на земле, вырасти, отшуметь, отцвести и успокоиться луковкой обновлённого корня.

Володя, совсем маленький, лет трёх или четырёх без рубашки (сохнет постиранная) в коротких штанишках, с одной лямкой, с блестящей армейской пуговицей на поясе. Стоит около дома на угоре, покрытом ярко-ярко, словно вспыхнувшей зелёной муравой. Только что прогремела гроза, и пробарабанил сильноструйный, первый июньский ливень. Тучи сползли, скатились за ветлой, небо очистили — сияет.

По лугу заструился шумный и многоводный ручей. Он спускается к ручью и отправляет по нему кораблик — щепку. Быстро, едва поспевая, следует за корабликом — где его вдруг выбрасывает на берег, заново запускает. У речки, которую рядом ещё не видел, только издали, увидел на прибрежном лугу бани по-чёрному и несколько разномастных коров с такими же телятами. Отсюда своего дома не видно, испугался, отчаялся и громко заплакал. Любаша, следившая за ним, услышав плач его, поспешила к нему успокоить, и он уткнув свою голову в подол её платья успокаивается.

Днями в полях млеют на солнце многоцветные травы, повсюду не стихающий звон кующих кузнечиков, волнистое марево струится на горизонте, и белые, будто сдобные облака, выплывают из-за края земли. Они плывут широко и ровно, никуда не торопятся, в бездонном небе весь день плавится солнечный слиток, космато и яро. Вечерами облака встают у зари на прикол или исчезают совсем. Громадное солнце, румяное и покруглевшее, успеваает скатиться за лесное кольцо, а в небе, над речкой, уже мерцают две-три зелёные звезды.

Тогда в палисадниках долго возятся, устраиваются на ночлег хлопотливые птицы. Белая ночь опускает на деревню, неуловимо дрожащую кисею сумерек...

Земля цвела в четыре, в пять этажей! Она буйствовала, она, озоруя, мазалась красками, безудержно, по-детски радуясь самой себе, теплу и солнцу.

Понизу земля была опрыскана белыми цветами земляники, гусиной лапкой, ветреницами желтыми и белыми,

блѣстками травы-муравы, звѣздочками любки и майника. Выше синели ирисы, качались ландыши белые и лесные орехового цвета, и кое-где уж птичьим яичком выкатывались из сдвоенного листа рябенькие кукушкины слѣзки, робко и просительно открывая ротик, обмѣтанный молочной пеной, а ещё выше — и цветы эти, и землю яростно захлѣстывал пожар жарков. Огненное буйство умиряли только спокойные цветы медуницы, синеющие на опушке леса и уверенные, крупно растущие по мокрым логам и склонам холмов марьяны коренья с уже забуревшими, кругло выпирающими бутонами.

Глаз радовался, душа пела, восторг передавался ей от ликующей природы.

Кажется, ещё совсем недавно отцвела черѣмуха, а неувимый бег времени уже подвёл нас к самой вершине лета — к летнему солнцестоянию. Обилие влаги породило буйное половодье трав, которое захлестнуло луга и лесные поляны пестрым ковром разноцветья. Золото лютиков тесно соседствует здесь с пурпурными лепестками гераней, а розовый блеск коронарий — с нежной бирюзой незабудок.

Азартно и непрерывно кричит на лугу коростель. В зарослях кустарников на краю луга кузнечиками стрекочут пеночки-трещотки. В синем мареве прогретого воздуха колеблются очертания дальней берѣзовой рощи, из которой доносятся звонкие флейтовые звуки иволги.

Лазурные, сильно пахнущие мѣдом цветы синюхи привлекали к себе самку шмеля. Насекомое сердито брюзжит, и деловито обследует каждый распутившийся венчик. Ей

некогда созерцать красоту — много работы. Самке суждено одной положить начало шмелиному роду.

Большинство цветов под пологом леса теперь имеют белую окраску. Отсутствие ярких красок они часто компенсируют сильным ароматом, что помогает насекомым находить их. Невзрачные и мелкие цветочки майника, грушанок и нашей замечательной северной орхидеи, любки двулистой, обладают ароматом самых дорогих духов.

В темноте леса мелькают белые звёздочки седмичника и звездчаток.

На прогретых солнцем лесных опушках расцвела саранка или лилия кудреватая. Обильно цветёт земляника. Ещё немного и запах её ягод будет составной частью запахов леса. Появились первые шляпки грибов. Яркие краски цветов породили и яркие краски бабочек, насекомых, тесно связанных с ними.

Мелькают голубянки — икары и орионы. На влажную почву лесной дороги присел, чёрно-желтые крылья, махаон — одна из самых крупных и красивых наших бабочек. Потревоженный Любашей, это чудо проворно улетает.

Над золотым разливом купавок, купаясь в потоке солнечного света, неторопливо порхает небольшая, с оранжевыми кончиками крыльев, белая бабочка. Это Аврора — богиня утренней зари у древних римлян. Кажется, её крылья несут на себе отблеск зари. В народе её зовут зорькой.

Многие герои и боги античного мира обрели бессмертие в названиях созвездий, бабочек и цветов. Прекрасное нашло своё отражение в прекрасном.

На влажную землю присел мотылёк, голубянка — икар, названный так в честь легендарного юноши, дерзнувшего приблизиться к солнцу.

В июле на обширных елях можно встретить крупных с ярко-красными пятнами на белых крыльях бабочек — аполлонов, названных так в честь мифического бога, покровителя искусства. Как бы сознавая своё божественное происхождение, аполлоны летают медленно. Для птиц они несъедобны. Аполлон — редок и находится под охраной. Ещё реже можно встретить чёрного аполлона, или мнемозину с тёмными пятнами на крыльях. На латыни *Parnassius mnemozine*. Уже в зрелом возрасте Любаша будет произносить на латыни десятки названий цветов в своём саду. Особенно красив родственник аполлона — махаон. Свою первую встречу с ним Любаша восприняла, как самое радостное откровение.

Весною в лесу можно увидеть цветущую дафну, названную в честь мифической нимфы. Это красивое, но ядовитое растение в народе зовут ещё волчьим лыком. Согласно преданиям, волк, опоздав на совет зверей, где давали имена растениям, стал грызть этот кустарник и сдирать с него кору. У дафны действительно крепкий луб. В то же время на лесных полянах можно встретить золотые цветы адониса, названного в честь божества умирающей и воскресающей природы, которого древние представляли в образе красивого юноши, возлюбленного богини любви Афродиты. Цветок этот дарит не только свою красоту, но и здоровье людям.

Освобождаясь от пелёнок язычества, люди вознесли многих своих богов с Олимпа на небо, назвав их именами

планеты нашей солнечной системы. Покидая землю, богиня любви Венера оставила людям свои башмачки. Под этим названием мы знаем три вида орхидных, форма цветка которых напоминает миниатюрную туфельку. Не каждому дано увидеть туфельку богини любви.

Что может вызвать самый бурный восторг даже у человека равнодушного к природе, которая создала волшебное растение — совершенство красоты. Конечно, орхидея!

Известно, что когда Рабиндранат Тагор учился в школе, его спросили: «Что достойного упоминания сделали англичане за последнее столетие?»

На что будущий классик ответил: «Поработили Индию, открыли силу пара и полюбили орхидеи».

Эпоха королевы Виктории была «пиком» обогащения Англии за счёт её колониальных приобретений. Больше всего они полюбили тропические орхидеи, что породило болезненное увлечение коллекционирования орхидных. За редкие, вновь открытые виды орхидей платили иногда столько, сколько простой рабочий не смог заработать за всю свою жизнь. Эта страсть тогда распространилась по всей Европе.

Орхидеи занимают в растительном царстве исключительное место. Не только потому, что это прекрасные цветы фантастических расцветок от самых нежных; не только потому, что они источают тысячи запахов — от аромата фиалок и тубероз до зловония гниющего мяса; не только потому, что они нередко обладают невероятно причудливой формой; не только потому, что прикосновение их сочных цветов к пальцам вызывает какое-то необыкновенное

чувственное ощущение; раскрытая чашечка цветка чем-то напоминает губы, жаждущие поцелуя; орхидеи таят в себе какие-то неуловимые чары, свойственные, пожалуй, только живому существу.

Роза — один из самых красивых цветов, но человек лишил её очарования простоты, сделав претенциозным символом. К орхидее же он относится как к одухотворённому существу, встреча с ней — всегда какое-то переживание или приключение, которое неизвестно чем кончится, какие оставит следы. Пылевидные семена орхидей прорастают только с помощью гриба. Долгие годы лелеет гриб свою благородную избранницу, пока она не украсит свою головку цветной короной. Наш венерин башмачок, например, впервые зацветает только на 18-й год своей жизни.

Это дало повод ботанику У. Стерну сказать: «Орхидея носит прекрасные одежды наверху, но зависит от невидимого слуги внизу».

Это королева грибного царства, порождение мира насекомых, грибов и растений.

Наши северные орхидеи также не лишены очарования. Любаша, впервые увидев венерин башмачок, испытала чувство радостного откровения. Много лет спустя она сама пробовала разводить тропические орхидеи.

На сыром лугу, украшенном июньскими цветами она находила где розовые цветы коронарии соседствуют с душистыми соцветиями змеинового корня, а пурпурные лепестки лесной герани дополняют благородную голубизну незабудок. У опушки, её внимание привлекают многочисленные колосовидные соцветия пальчатокоренника пят-

нистого. Сочные листья этой орхидеи усыпаны коричневыми пятнышками. Только будут ли гости для опыления на приготовленный запах нектара? Дело в том, что каждый вид орхидей имеет своего опылителя. В этом и состоит большая опасность. Гибель насекомого, что в наших условиях загрязнения природной среды вполне возможно, и приводит к вымиранию растения.

ЮНОСТЬ

проходила в условиях, когда не было телевизора и электричества и свет в село провели только в 1967 году. Было, правда, проводное радиовещание ещё с довоенных времён, когда Постановлением Правительства с 1920 года началась сплошная радиофикация всего СССР, чтобы народ не сомневался, что он строит коммунизм, а товарищ Сталин в своих торжественных речах первого мая говорил с трибуны мавзолея, что с каждым годом жизнь становится лучше, жить становится веселее.

Большой, чёрный картонный диск отец включал всегда на полную громкость, запретив его трогать, и оно орало с 6-и утра, начиная с гимна и до 12-и часов ночи, заканчивая гимном трудовой день.

Выйдя из избы, Любаша, приняла строгий и серьёзный вид. Во дворе, пригретая солнышком, рассыпалась босоногая детвора. Тамара с засученными рукавчиками, наклонившись над толстым, узловатым чурбаком стряпала глиняные колобки. Делала она это с великим старанием: потяпает глину руками, поплюёт, снова потяпает, потом пересыплет мелким белым песочком и сунет в печь — старую проржавленную железяку, одним концом воткнутую в щель стены. Олег и Вовка подносили ей в баночках

воду, — её они черпали из лужи, заметно ожившей после дождя.

— Ну что, мелкота, играем? — снисходительно сказала Любаша, переступив порог избы и щурясь на солнце.

— Иди и ты играть, Люба, — несмело предложили Олег и Вовка.

— Некогда мне с вами возиться. Надо огород полоть. Идём, Тамара, надо привыкать к работе, — а вы, — обратившись к мальчишкам, играйте в свои черепки, да чтобы у меня всё тихо! Поняли?

И важно вразвалку зашагала на задворки в огород.

Потихоньку от игр и забав всю малышню приучали сорную траву в огороде отличать от овощей. Вот свеколка взошла, а вот вместе с нею лебеда, полынь и гречка дикая. Они и цветом, и фигурой под свеклу обрядились, но все равно не обмануть глаз человеческий, с исподу глянь — в пыльце она седой и цвет багряный пожиже у них; мокрица под редиску и репу рядится, да скоренько расти норовит, чем себя и выдаёт. Ну а за морковь чуть ли чуть ли не весь травяной мусор ладит сойти. Почти у всякой овощи, у всякого злака есть двойник, идущий вглубь, захватывающий пространство, душат, соки из овощей сосут.

В последних классах школы тянуло гулять

«Усидишь ли дома ...»

Ребята гуляли своими «мужскими» компаниями, подражая взрослым начинали курить махорку или самосад; девушки гуляли «девичьими», курить там не было принято.

Знакомились, если кто появлялся из соседних деревень, начинались походы в кино, когда приезжала кинопередвижка.

Ходили обязательно втроём, он, она и подруга. Без подружки в первое время — ни-ни.

— Возьмёте билет и на мою подружку, хорошо?

— Конечно, конечно.

Смешно? Пуританства? А может быть, прекрасно? Потому что, ах, как изумительно было это ожидание вечера, как долго думалось над причиной, как долго выбиралось платье (из двух скромненьких, сшитых самой)! И воздух (весенний, летний, осенний, зимний) пах по-особенному — этот запах затем запоминался навсегда. А вокруг всё пело, ликовало и, было ярким и чётким.

А потом этот полутёмный зал в кино. Робкое прикосновение плеча... Как там у Цветаевой: «И не краснеть удушливой волной, слегка соприкоснувшись рукавами».

А потом шли гулять с Лидой Портновой и пели частушки под гармошку, на которой играла старшая подруга Вера Галеева:

Я на том берегу
Черёмуху ломала,
А на этот перешла
С миленьким гуляла.

Не стой на мосту
Не маши фуражкой,
Я теперь не твоя
Не зови милашкой.

Запевай, подруга, песню,
Нам никто не подпоёт.
Невесёлое-то времечко
Нескоро, да пройдёт.

Выходи подруга, Люба,
Ты на улицу ко мне.
Мы гуляем сиротиночки,
Гуляем-то одне.

А ребята отвечали:

Мы с товарищем ходили
За реку по мостику,
Двух девчонок завлекали
Небольшого ростику.

Девушки, зима не лето,
Не посеешь в поле рожь.
Девушки не ваша воля,
Не полюбишь кого хошь.

Еле-еле дождалась Любаша окончания восьмилетки. Хотелось исчезнуть из этого опостылевшего быта. Мечтала поступить в Самаре, учиться на швею в училище ФЗУ, поскольку профессия нравилась и уже были какие-то навыки кройки, дизайна и шитья. Однако эту мечту пришлось оставить, так как там была стипендия всего 30 рублей и на эти деньги нужно было снимать квартиру, одеваться и питаться.

А потому решено было поступать в СПТУ (среднее профессионально-техническое училище) в Тольятти на полное обеспечение с трехразовым питанием и обмундированием: тёмно-синим платьем с белым воротничком и солдатскими ботинками. Училась на штукатурка-маляра, очень старалась, пошла на стройку в Тольятти и быстро достигла высшего мастерства. Она любила свою работу. Кому-то покажется странным — как можно любить не престижную работу. Но приученная с малых лет к тяжёлому труду она не могла не любить её; она не умеет отдыхать, бездельничать и получает громадное удовлетворение, когда работа сделана качественно, красиво и надолго. Она гордилась своим мастерством.

Юность брала своё.

Были радости встречу, улыбок и взглядов — ладонь в ладонь во время киносеансов. Эта тёплая, трепетная, бесценная ладонь, а через неё всё существо другого, любимого...

И они любят, с такой пронзительной и щемящей жалостью перед неизбежным расставанием, что рискованные эротические подробности уходят куда-то на очень далёкий план, и остаётся самое главное — большая и светлая любовь, где всё свято. И преклонение перед женщиной, как перед святыней, а главное в ней, та внутренняя неуловимая сущность, которая проявляется в выражении глаз, в прелести улыбки и в своеобразной изюминке милого женского существа.

Кто лучше классиков знал психологию людей, кто лучше мог описать все нюансы любви прекрасной и чистой, о которой многие не имеют представления.

Есть такая истина: «Каждый мужчина любит самую прекрасную женщину».

Помните, Дон Кихоту говорили: «Дульсинея блудница, Дульсинея грязная скотница»!

— Господа — отвечал Дон Кихот, — я вызываю вас на дуэль, потому что Дульсинея — самая прекрасная женщина в мире».

«С любимыми не расставайтесь,
Всей кровью прорастайте в них
И каждый раз навек прощайтесь,
Когда уходите на миг».

Храните свою любовь, взаимную или безответную, явную или тайную.

Она — великое таинство, и никто лучше Чехова не сказал о том, как нужно её трепетно беречь, как она священна и непостижима. Воистину мудрые его слова в рассказе «О любви»: ...целуя её лицо, плечи, руки, мокрые от слёз, — о как мы были с ней несчастны! — Я признавался ей в своей любви и со всей жгучей болью в сердце я понял, как ненужно, мелко и обманчиво было всё то, что мешало нам любить. Я понял, что когда любишь, то в своих рассуждениях об этой любви нужно исходить от высшего, от более важного, чем счастье или несчастье, грех или добродетель...»

Музыка нашей любви.
В шепоте струй переката,
В бликах янтарных заката
Песню свою сохрани.

Искрами радужных брызг
Пусть разлетаются звуки,
Словно волшебные руки,
Тронули арфу навзрыд.

Через плотины — слеза,
Паводком грёз прорываясь,
Тёплым дождём проливаясь
Будто над полем гроза.

Эхо посеет вдали
Нот разноцветные стёкла.
Чтоб, возродившись, не смолкла
Музыка нашей любви.

В сердце Любаши всегда была любовь, жалость и добродетель.

Юрий Кац, профессор, доктор медицинских наук, который пишет замечательные стихи, к сожалению, не для широкого круга, так говорит о жалости:

«Я не могу смотреть на брошенных собак.
Меня гнетёт беспомощная жалость.
И безысходностью смиренная гуманность
Отводит взгляд и ускоряет шаг
Я не могу смотреть на брошенных собак.

19 февраля 1600 года, в Перу произошло мощнейшее извержение вулкана Уайнапутина, что привело к малой вулканической зиме и неурожаем даже в России вплоть до 1603 года и Великому голоду, способствуя народным брожениям Смутного времени.

В то время, как писал русский историк В. О. Ключевский о праведной Юлиании Лазаревской ... в ней тоньше и глубже была жалость к бедным и убогим, характерная всем русским женщинам. Она, вдова зажиточного дворянина всё до последней копейки и последнего зёрнышка, раздала голодающим, сама став нищей. Собирала кору деревьев, лебеду, сушила другие травы и пекла из них хлеб и кормила других нищих, и всех удивляло, что хлеб этот, сделанный с любовью и состраданием был съедобен, и, даже вкуснее, чем кусок хлеба, поданный богатыми.

Любовь и милосердие к окружающим, такова отличительная черта русских женщин была присуща и Любаше. Она постоянно, не только помогала семьям своих братьев и сестёр, но и делилась со всеми окружающими.

Поэт Евгений Евтушенко, подчёркивая эту черту, писал:

«Доброта, это самая малость,
Если в женщине есть доброта,
Значит, женщина состоялась».

Доброта — это нежность и ласка,
Поцелуй осторожный в тиши.
Доброта — это добрая сказка,
Это исповедь светлой души.

Доброта — это солнце в ненастье,
Огонёчек в туманной дали.
Доброта — долгожданное счастье,
Объяснение друга в любви.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

заканчивает любую повесть. У повести хороший конец. Любаша живёт так, как мечтала жить ещё в детстве.

Здоровая доза эгоизма ещё никому не вредила. Любаша мечтала научиться быть эгоисткой, но не получалось, не хватало чувства собственного достоинства.

Всегда, всегда лучший кусок мужьям, детям. Здесь примером служила её мать. На себе сплошная экономия. Главный слоган, рефрен её жизни — «я перебьюсь». Тане нужно пальто и сапоги. Кристине новые туфли. Первый муж копил на машину, второй мечтал об отдыхе на море.

У всех получилось — один купил машину, второй путешествует, правда с другой. А Любаша за всю свою жизнь не брала путёвки и не отдыхала в отпуске. Всё работа!

Говорят, мужики должны приносить пользу и украшать жизнь. Облегчать её, а не усложнять. Мужчина должен быть или богатым, или весёлым, или для плотских утех и радостей. Ну а если всем вместе, то вообще красота, считай, что повезло. Но ей не повезло. Вот, например, Александр, первый муж, скучный, хотя и приличный. Богатый? Да нет, даже скарредный, при разводе даже ложки делил, хотя и оставлял с ребёнком. Для плотских утех? С ней нет, точно. Да и не любила его, делала аборт, хотела только одного ребёнка.

Второй, Сергей, небогатый, ленивый, любящий выпить. Для тех же утех? Было дело, Но как-то всё быстро закончилось. Оба мужа были неверны и, узнав об этом, дала отставку обеим. Вполне возможно, что воспитанная природой она не знала, что есть такое понятие, как мужская гордость и ещё есть понятие, как женская мудрость, гласившая, что муж голова, а жена шея, куда повернёт, так и выйдет. Но она лидер!

Сильная воля её характера так велика, что редкий мужчина может смириться с этим, чувствуя себя «неполноценным» и эти «бедолаги» ушли от неё, сохранив к ней любовь и привязанность, ушли, чтобы, может быть, снова почувствовать себя мужчинами.

У неё двое, две дочери и внучка. Она всегда думала — счастье, что девочки! Станем шушукаться, доверять друг другу самое сокровенное; самые — самые невозможные секреты, меняться шмотками и обувью.

Они, разумеется, будут поливаться моими духами, она станет злиться и орать на них. Без скандалов не обойдётся — бабы ведь! Но она их обучит, всё объяснит. Хотя вряд ли можно любовь объяснить.

Будем рассуждать о мужчинах, Она научит их многому, потому что у неё опыт горький — она предостережет их от ошибок, которые совершала сама. В конце концов, мы будем стряпать курник, печь пиццу все вместе на нашей кухне, заляпанные мукой и вареньем. И они её девочки, будут очень дружные. И она будет спокойна — когда уйдёт, они останутся вдвоём. Конечно, не всё получилось. Что у ней в сухом остатке? Правда,

остаток этот не очень сухой, а мокрый, щедро сдобренный её слезами. Не может всё быть идеальным. Девочки, не то, что не дружат, они совершенно разные. И, наверное, дело не в том, что они разные и рождены от разных отцов. Значит в чём-то и её вина. Любила их одинаково, жалела тоже. Баловала обеих. Покупала поровну, уделяла внимание поровну. Почему так вышло. Не получилось полного взаимопонимания. Одна себе на уме, очень скрытна и иногда меркантильна. Другая нежней, тоньше и тревожней. Но иногда грубит и не может себя сдержать. И вполне бы обошлась без мамы, будь у неё всё в порядке.

В то же время Любаша понимает, что у них своя жизнь, в которой ей нет места.

Да, дети — далеко не цветы жизни! Ох, не цветы!

Нет, были и есть, конечно, и радости и умиления, и даже восторги. Но куда больше в жизни родительской печали, нескончаемых хлопот, тревог — бесконечных, непрекращающихся. Обид и неоправданных ожиданий.

Как часто мы бросаемся высокими словами, не вдумываясь в них. Вот говорим: дети — счастье, дети — радость, дети — свет в окошке! Но дети — это ещё и мука наша! Вечная наша тревога! Дети — это наш сад на миру, наше зеркало, в котором совесть, ум, честность, опрятность нашу — всё наголо видать. Дети будут нами закрываться, мы ими — никогда. И ещё: какие бы они ни были, большие, умные, сильные, они всегда нуждаются в нашей защите и помощи. И как подумаешь: вот умрёшь, а они тут останутся одни, кто их, кроме матери, знает такими, какие

они есть? Кто их примет со всеми изъянами? Кто поймёт? Простит?

Давно исполнились её мечты. Обеим дочерям помогла сделать в Москве двухкомнатные квартиры. Теперь вместе с третьим мужем живут безбедно на пенсию в Москве, ездила с ним по свету и святым местам. Много повидала. Теперь основная отрада — дача и цветы. Назад — в природу!

Одна незадача — муж по характеру такой же лидер, как и она. Отсюда и пух и прах! Но не более, чем на пять минут.

Вся жизнь — ряд чёрных и розовых жемчужин и плох тот человек, который не умеет носить в спокойствии, мужестве и верности своего ожерелья жизни.

Нет людей, чьё ожерелье жизни состояло бы из одних только розовых жемчужин. В каждом ожерелье чередуются все цвета, и каждый связывает жемчужины шнурком своих духовных сил, нося всё в себе.

Плохое надо забывать и отпустить, но пока не получается, крепко держат обиды.

Однажды Любаша встанет в прекрасное солнечное утро и вся благостная придёт в Божий храм, поставит родителям за упокой свечу, опустится на колени и попросит у них прощения и дрожью проявится их духовная связь, и чистые слёзы успокоят её мятущуюся душу.

Иногда Любаша говорит мужу: «Ты знаешь, уехать бы отсюда в глухую деревню (имеет в виду природу и малую родину), чтобы было тихо и никого кругом».

Мечта, в которую сама не верит и которая никогда не сбудется...

Никогда
Ничего не вернуть,
Как на солнце не вытравить пятна,
И, в обратный отправиться путь,
Все равно не вернёшься обратно.
Эта истина очень проста,
И она, точно смерть, непреложна.
Можно в те же вернуться места,
Но вернуться назад
Невозможно...

ПОСЛЕПОСЛЕСЛОВИЕ

наконец, заключает эту повесть. Читатель вместе с необыкновенным «существом» — крестьянской девочкой Любушкой — окунулся в русскую природу, следовал за ней по ложкам и перелескам, следил за её, порой наивными фенологическими наблюдениями, но читатель должен знать, что с глубокой древности русский человек никогда не отделял себя от природы, и было бы кощунством не опубликовать здесь ПРИМЕТЫ природы.

Этот подраздел взят из XVII лекции первого тома «Курса русской истории» В. О. Ключевского (9-томное изд. «МЫСЛЬ» Москва 1987 г):

«Здесь схвачены все характерные, часто трудноуловимые явления годового оборота великорусской природы, отмечены её разнообразные случайности, климатические и хозяйственные, очерчен весь обиход крестьянского хозяйства. Все времена года, каждый месяц, чуть не каждое число месяца выступают здесь с особыми метко очерченными климатическими и хозяйственными физиономиями, и в этих наблюдениях, часто доставшихся ценой горького опыта, ярко отразились как наблюдаемая природа, так и сам наблюдатель. Здесь он наблюдает окружающее, и размышляет о себе, и все свои наблюдения старается привязать к святцам, к именам святых и к праздникам. Церковный календарь — это памятная книжка его наблю-

дений и вместе дневник его дум над своим хозяйственным житьём-быльём.

Январь — году начало, зиме середка. Вот с января уже великоросс, натерпевшийся зимней стужи, начинает подшучивать над нею. Крещенские морозы — он говорит им: «Трещи, трещи — минули водокрещи; дуй не дуй — не к рождеству пошло, а к великодню (пасхе)».

Однако 31 января (для удобства читателя все даты даны по-новому стилю) ещё день Афанасия и Кирилла; афанасьевские морозы дают себя знать, и великоросс уныло сознаётся в преждевременной радости: Афанасий да Кирилло забирают за рыло. 6-го февраля — память преподобной Ксении — Аксиньи — полухлебницы-полузимницы: ползимы прошло, половина старого хлеба съедена. Примета: какова Аксинья, такова и весна. Февраль-бокогрей, с боку солнце припекает; 15-го февраля сретение, сретенские оттепели: зима с летом встретились. Примета: на сретенье снежок — весной дождёк. Март тёплый, да не всегда: и март на нос садится. 7-го апреля благовещенье. В этот день весна зиму поборола. На благовещенье медведь встаёт. Примета: каково благовещенье, такова и святая. Апрель — в апреле земля прееет, ветрено и теплом веет. Крестьянин настораживает внимание: близится страдная пора хлебопашца. Поговорка: апрель сипит да дует, бабам тепло сулит, а мужик глядит, что-то будет. А зимние запасы капусты на исходе. 14-го апреля Марии Египетской. Прозвище её: Марья — пустые щи. Захотел в апреле кислых щей! 18-го апреля — мученика Федула. Федул-ветренник. Пришел Федул, тёплый ветер подул. Федул губы надул (ненастье).

28-го апреля — апостола Пуда. Правило: выставлять пчёл из зимнего омшаника на пчельник — цветы появились. На св. Пуда доставай пчёл из-под спуда.: 6-го мая — св. Георгия Победоносца. Замечено хозяйственно-климатическое соотношение этого дня с 22-го мая: Егорий с росой, Никола с травой; Егорий с теплом, Никола с кормом. Вот и май, месяц май, не холоден, да голоден. А холодки навёртываются, да и настоящего дела ещё нет в поле. Поговорка: май — коню сена дай, а сам на печь полезай. Примета: коли в мае дож — будет и рожь; май холодный — год хлебородный. 18-го мая — великомученицы Ирины. Арина рассадница: рассаду (капусту) сажают и выжигают прошлогоднюю траву, чтобы новой не мешала. Поговорка: на Арину худая трава из поля вон. 3-го июня — св. царя Константина и матери его Елены. С Алёной по созвучию связался лён: на Алёну сей лён и сажай огурцы; Алёне льны, Константину огурцы.

Точно так же среди поговорок, прибауток, хозяйственных примет, а порой и «сердца горестных замет» бегут у великоросса и остальные месяцы: июнь, когда закрома пусты в ожидании новой жатвы и который потому зовётся — июнь — ау! Потом июль — страдник, работник; август, когда серпы греют на горячей работе, а вода уже холодит, когда на преображенье — второй спас, бери рукавицы про запас; за ним сентябрь — холоден сентябрь, да сыт — после уборки урожая; далее октябрь — грязник, ни колеса, ни полоза не любит, ни на санях, ни на телеге не проедешь; ноябрь — курятник, потому что 14-го числа, в день Козьмы и Дамиана, бабы кур режут, оттого и зовётся этот

день — курячьи именины, куриная смерть. Наконец, вот и декабрь-студень, развал зимы: год кончается — зима начинается. На дворе холодно: время в избе сидеть да учиться. 14-го декабря — пророка Наума-грамотника: начинают ребят грамоте учить. Поговорка: «Батюшка Наум, наведи на ум». А стужа крепнет, наступают трескучие морозы, 17-го декабря — св. великомученицы Варвары. Поговорка: «Трещит Варюха — береги нос да ухо».

Так со святцами в руках или, точнее, в цепкой памяти великоросс прошёл, наблюдая и изучая, весь годовой круговорот своей жизни. Церковь научила великоросса наблюдать и считать время. Святые и праздники были его путеводителями в этом наблюдении и изучении. Он вспоминал их не в церкви только: он уносил их из храма в свою избу, поле и лес, навешивая на имена их свои приметы в виде бесцеремонных прозвищ, какие дают закадычным друзьям: Афанасий-ломонос, Самсон-сеногной, что в июне дождём сено гноит, Федул-ветренник. Акулины-гречишницы, мартовская Авдотья-подмочи порог, апрельская Марья-зажги снега, заиграй овражки и т. д. без конца. В приметах великоросса и его метеорология, и его хозяйственный учебник, и его бытовая автобиография; в них он отлился со своим бытом и кругозором, со своим умом и сердцем; в них он и размышляет, и наблюдает, и радуется и горюет, и сам же подсмеивается и над своими горями, и над своими радостями».

ОБ АВТОРЕ

Силачѐв Юрий Григорьевич родился в 1938 г.
Заслуженный энергетик. Награждѐн Орденом "Знак
Почѐта", Орденом "Карлоса Балиньо" (Республика Куба) и
четырьмя медалями, в т.ч. "За трудовую доблесть".

Автор 12 книг:

Первая любовь

Дети войны

Эпоха перемен

Эпоха перемен - 2

Лучше гор могут быть только горы

Вся жизнь игра

Кыштымские легенды

Загадки исчезнувшей цивилизации

Эхо Афгана

Любашино детство

Русь древняя и забытая

сборник стихов "Когда не спится по ночам"

**Электронные версии книг свободно распространяются
на сайте Уральского Провинциального Издательства.**

Уральское Провинциальное Издательство (Uralizdat)
осуществляет подготовку и издание печатных и электронных книг.

Основная тематика изданий - история и краеведение Урала, книги о
природе, проза и поэзия, детская литература.

Подробнее с деятельностью и книгами издательства можно
познакомиться на [сайте https://uralizdat.ru](https://uralizdat.ru).

Нашу продукцию можно приобрести на [сайте издательства](#) или в
интернет-магазинах:

Наши страницы в соцсетях:

Контакты

e-mail: uralizdat@gmail.com, uralizdat@bk.ru

тел. +7- 922-221-46-16

